

НОРА ОЛЬВИЧ
Влюблённая

18+

Королева

Нора Ольвич

Влюблённая Королева

<https://litres.ru/74066508>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маргарита всегда была вынуждена выбирать между долгом и страстью, верностью короне и собственной душой.

Но как это сделать, той, которая попала как говорится из «огня да в полымя»? Как выжить в Средневековье студентке Рите из XXI века?

Дорогие читатели, я очень рада, что вы со мной на страницах этого романа. Большая просьба, добавьте его в «Библиотеку». Зажигайте огни на небосклоне Маргариты!

А я с удовольствием прочту все ваши комментарии. Подробно отвечу на вопросы.

С любовью, Ваш Автор!

Содержание

Первые аккорды повествования.	4
Глава 1-Бургундские сёстры. Королева Жанна.	6
Глава 2. Века и Колокола	19
Глава 2 -2. Высшая мера наказания.	31
Глава 3. Переезд. Таможня. Досмотр.	41
Глава 4. Мышь в норе.	53
Глава 6. Всего лишь прошептала.	64
Глава 7. Итак, сегодня 18 марта 1314 года.	77
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Нора Ольвич

Влюблённая Королева

Первые аккорды повествования.

Художник!

Он — вечный странник.

Он бродит по векам, меняя миры. Он — творец, создатель реальности, способный перенести любого, кто прикоснется к его творениям, сквозь вихрь времени и пространства. Его имя — шепот на устах тех, кто искал спасения от серости будней.

Его творения — это не просто масло на холсте.

Они переносят, смешивая реальности.

Он всегда будет неуловимым призраком, прячущимся в лабиринтах времени.

Тот, кто ищет его искренне, с чистым сердцем, возможно увидит его след. Но для тех, кто преследует лишь мимолетную забаву, он всегда останется недостижимой мечтой.

Визуал. Арт.НораОльвич

Хочешь вернуться домой в своё время?

Ищи его снова и снова. Ведь именно этого он и ждёт от тебя.

*****

Данное произведение является художественным вымыслом и относится к жанру около — исторического магического реализма. Все события, персонажи и диалоги — плод авторского воображения.

Глава 1-Бургундские сёстры. Королева Жанна.

Палач занёс над её головой страшное остриё бритвы.

Склонилась в страхе тело, сжались хрупкие плечи, остановилось дыхание, сердце замерло в груди, словно понимая, что этот момент изменит её жизнь навсегда.

Так и над головами Маргариты и Бланш, острые лезвия сверкали в свете факелов, оставляя за собой голую кожу и кровавые царапины. Огни отражения в глазах коленопреклонных женщин были ужасающими и пугающими. Они чувствовали, как холодные капли пота, стекают по спине, как тело дрожит от страха и напряжения.

Их жизни действительно менялись с ужасающей скоростью. Ещё буквально вчера король Франции с дочерью Изабеллой — гостившей у них королевой Англии, рано утром зашёл в покои королевских невесток...

Покои трёх сестёр — королевских невесток помещались в другом крыле замка Мобюиссон. Из башни, где находился кабинет короля, на женскую половину можно было пройти по крытой дозорной галерее. У каждой бойницы дежурил стражник. В то весеннее утро под шквальными порывами ветра жалобно стонала кровля недавно перестроенного замка.

«- Не угодно ли вам, – медленно произнёс Филипп Красивый, – показать мне те кошель, которые вы получили недавно из Англии? Подарки моей дочери – королевы Англии».

Холод молчания, за словами короля он последовал осторожной поступью. Этот пронизывающий души холод, разделил мир на две неравные части: на одной его стороне находились Филипп Красивый, королева Англии — его дочь Изабелла, весь двор и наследные принцы; а другая на глазах у всех становилась в эту минуту непереносимо страшным кошмаром, и там остались три молоденькие невестки Железного короля.

Из них троих, став жертвой жутких обстоятельств, только Жанна именно сейчас теряла свою честь и достоинство. Только она.

Достоинство и честь — в одно мгновение, они стали пустыми словами, утонувшими в горьких слезах слабых, виноватых буквально во всех грехах существ.

«- Я невиновна, я всегда любила только Филиппа, пощадите»!

Умоляла она короля, но белокурые пряди с нежными отливами холодного серебра, заслужившие восхищение её супруга с самых первых дней их знакомства, прядь за прядью падали на холодные камни пола.

Темнота неизвестного ей помещения без мебели буквально сводила её с ума. По прекрасному лицу молодой женщины текли безудержные слёзы. Всегда отличавшаяся разум-

ным поведением, сдержанностью манер и неброскими изысканными туалетами, она была украшением придворной жизни Франции.

Жанна Бургундская.

Дочь величественной графини Маго д'Артуа, жена среднего сына короля Филиппа Красивого — будущего короля Франции — Филиппа V. Она обвинена в покровительстве любовных похождениях Маргариты и Бланш Бургундских, заключена в замок Дурдан, но помилована спустя несколько лет Людовиком X в честь его свадьбы с новой женой — принцессой Клеменцией Венгерской.

Да. Позже её единственную помилуют, поселив навеки страх в душе.

Как коротка история её жизни, но ещё раньше умерла при странных обстоятельствах Маргарита в заключение. Как жутко доживала свой век сошедшая с ума в крепости Шато — Гайар, так любившая жизнь и украшения милая Бланш.

Почему же перед смертью, в свои сорок три года Жанна вновь помнит чувство животного ужаса, сковавшего тогда все её конечности? Почему она проходит этот путь вновь и вновь?

Сколько лет женщина пыталась понять и оправдать мысленно тех, кто судил её тогда. Сегодня она хотела в который раз донести до их душ истину — она всю свою жизнь любила только Филиппа!

Любила с первых дней их встречи.

Но в то же время она, будто не понимая, что делает, совершенно безвольно сопровождала свою младшую сестру Бланш на свидания и только, видимо, одна осознавала, какое жуткое беззаконие творится под сводами Нельской башни.

Знала ли она, что это наказуемо? Что является соучастницей преступления против короны?

Безусловно!

Видит бог, всемогущий, она пыталась остановить Маргариту и Бланш. Прячась от придворных дам, сторонясь буквально всех, она шептала им наедине слова истины. Но как же упряма была её любвеобильная кузина Маргарита, повторяя раз за разом; убеждая всех, что ничего не будет им вменено, потому как у их свёкра покойная супруга именно, так и искала развлечения на стороне.

— Я ведь тоже женщина. Ни одна из вас не любит саму любовь так, как я! Жанна, умоляю выслушай меня! Знаешь ли ты, какое великолепие скрывает эта королевская мантия? Знаешь ли ты, что моя душа умеет открываться самым безумным страстям; что, будучи королевой, я не перестаю оставаться женщиной. Людовик, он презирает меня за это! Они все в этом роду холодны как лёд, они таковы, как немигающий взор нашего свёкра — короля Филиппа.

Людовик! О, если бы он молчал на суде. Но разве можно было оставлять «преступницам», покусившимся на честь королевской семьи, длинные волосы? Будущий король Франции — бессердечный Людовик, муж Маргариты говорил, не

замолкая, что их дочь — малютка Иоанна, верно в блюде рождена.

Он сразу же мысленно подписал приговор неверной жене, отторгая её всем своим существом:

«- Волосы обладают магической силой, и лысая прелюбодейка уже не сможет вредить чести королевской семьи».

Так он шептал окаменевшими губами, вдыхая костлявой грудью тяжёлый воздух зала, где заседал суд. Так, он шептал, убивая её в сознании всеми доступными в те времена способами. Так он шептал, смотря в глаза своей сестре королеве Изабелле. Ведь она очень вовремя пересекла Ла-Манш с целью изобличить неверных жён.

Только вот какие цели она преследовала? Об этом никто в тот момент не задумывался, считая просто, что дочь в короля-отца своего пошла характером. Так и было... Ведь Изабелла отличалась красотой, надменностью, непреклонностью, гордостью и высокомерием. Нелюбимая своим мужем, готовая на всё, чтобы изменить свою жизнь, она пр считывала все свои действия на много ходов вперёд.

А прекрасные белокурые волосы Жанны Бургундской — жены среднего наследного принца Филиппа, слишком ярко демонстрировали публике свидетельство её нравственного падения.

«Виновна»! – это вердикт.

Стрижка наголо как приговор, была частью наказания буквально для всех осуждённых в тот день.

Проезжая по улицам столицы, собрав последнюю волю, сжимая кулаками грубую мешковину, имитирующую одежду, она кричала народу, надеясь, что её голос дойдёт до мужа и его союзников:

— Я умоляю, ради любви Господней сообщите сеньору Филиппу, сообщите моему супругу о невинности его Жанны! Я умоляю вас, пощадите!

Эти крики были полны отчаяния и надежды, она верила, что народ и её супруг услышат и помогут ей восстановить справедливость. Но взывающий к небесам голос, он затерялся в шуме толпы, и безудержные крики женщины остались без ответа.

Как же давно это было. Почему Всевышний молчал всё это время, видя страдания невинной души?

Никто не давал ей ответы на её вопросы.

Никто!

А перед глазами у умирающей женщины стояли растерзанные многочисленными пытками тела братьев д'Онэ — любовников Маргариты и Бланш.

*****

Вслед за этими воспоминаниями, разрывая мрак, нёсся со всех колоколен погребальный звон. С каждым часом он усиливался и подхватывался другими колоколами на севере, юге и западе самой сильной европейской державы.

Через полгода после прибытия Изабеллы во Францию, по-

сле практически тридцатилетнего правления представился не знавший поражения король Филипп Красивый. Ещё Железным его называла молва. Густая, зловещая тень окутала в те дни страну, так как совпала эта смерть с солнечным затмением.

Так свершилось ещё одно проклятие, которое прокричал на костре Великий магистр тамплиеров. Заживо сожжённый под взглядами парижской знати и черни.

«- Папа Климент..., король Филипп... не пройдёт и года, как я призову вас на суд Божий и воздастся вам справедливая кара! Проклятие! Проклятие на ваш род до тринадцатого колена!..»

*****

«- Не стать жертвой обстоятельств», - шептали губы умирающей женщины вместе с молитвой.

«- Не стать... не стать»!

«- Маргарита, Блани! Я не хотела быть жертвой ваших обстоятельств»!

«- Не хотела, я молила сильных мира сего о пощаде!»

«- Стоила ли твоя любовь, Маргарита тех лишений, голода, холода, нищеты и безумства Блани в Шато-Гайар? Стоили ли мгновения любви и безудержной страсти мучений годы?»

«- Ответь мне, Маргарита»!

«- Моя красивая, младшая сестричка Блани – ведь наси-

лужа, совершенно безнаказанно, её имел любой лучник, охраняющий безумную бывшую принцессу в крепости, о которой все забыли».

«- Маргарита, я так долго обращаюсь к твоей душе: умоляю, верни те дни обратно! Услышь умирающую Жанну Бургундскую, не дай свершиться проклятиям!»!

«- Всевышний! Так уж велика была их вина? Не слишком ли жестоко наказание? Ведь твой ставленник Папа Римский, он до последнего не давал развод Людовика и Маргарите, считая супружескую неверность не причиной!»!

И она вновь взывала к Мадонне, прося её о заступничестве.

*****

Их было трое — Маргарита, Жанна и Бланш Бургундские. Порочные принцессы, которые посмели оскорбить блудными связями семью своих мужей. И всё бы ничего, но только в семье той были, куда ни кинь взор одни короли, которые правили этой страной почитай, что триста пятьдесят лет.

В тот поздний вечер, забыв про свой долг и честь сёстры и их любовники вновь, все собрались в Нельском отеле.

И вот сменилось время, тасуя человеческие судьбы, словно колоду карт. Прошлое стало туманным воспоминанием, будущее — неясным и неопределённым. Люди, некогда близкие и родные, теперь были незнакомцами, а незнакомцы стали друзьями и союзниками в политических войнах.

Жизнь, словно колесо фортуны, вертелась, меняя пози-

ции и роли. Судьба играла с людьми, расставляя их по разным местам, создавая новые союзы и конфликты.

И мы будто в призрачном калейдоскопе видим всё тот же Нельский отель и башню.

В полумраке молельни, посреди бархата, дорогих портьер, ковров и драгоценных окладов икон; свечей и благовоний на полу распротёрта самая богатая женщина Франции. Одна из прекрасных когда-то женщин французского двора!

Жанна Бургундская.

Она одета в серые монашеские одеяния, вдовий куаф покрывает давно отросшие белокурые волосы. Он создаёт траурный контраст с бледной кожей всё ещё прекрасного лица той, которая была королевой Франции всего лишь шесть лет.

До Филиппа дошли её воззвания и крики мольбы:

«- через Жанну я получил титул пфальцграфа Бургундского и титул сира Саленского, а саленские копи приносят мне большую половину моих доходов; кроме того, после смерти графини Маго я унаследую всё Конте. Пора вернуть доброе имя семье, Жанна достаточно пробыла в заключении. Она искупила свою вину, я хочу прилюдно простить свою супругу».

Он выпросил прощение для жены у её деверя — короля Людовика. Позже народ назовёт его Сварливым. Его правление будет недолгим...

А в 1322 году Жанна станет вдовствующей королевой. Король Филипп V, её любимый супруг, вскоре скончается,

как и предрекал Великий магистр, проклиная весь род Капетингов до тринадцатого колена. Филипп оставит безутешную Жанну вдовой, а Францию в пучине политических интриг.

И вот Жанна крепко прижимает к груди медальон с изображением покойного мужа, прощая ему жестокость тех дней. Образ любимого человека, которому она родила четверых детей — последнее утешение в мире, полном предательства и лжи. Её хрупкое тело сотрясают спазмы боли — это жуткие отголоски болезни, которая медленно, но верно пожирает её организм. Врачи называют это недугом желудка, но Жанна знает: — её убивает яд, полученный из рук многочисленных врагов, желающих присвоить титул, богатства и власть.

«- Мы все стали жертвами обстоятельств», - шептали губы умирающей женщины вместе с молитвой.

«- Марго, Блани! Услышьте меня! Вернитесь!»!

«- Я назову вам все имена виновных в этом чудовищном преступлении, за эти годы я провела своё следствие»!

И всего на мгновение умирающий взор Жанны увидит странные тени на стенах.

Будто сам Великий магистр Жак де Моле взирает на неё. Или это Его Величество король Филипп Красивый? Сокрушаясь, он укажет ей на незнакомку, одетую в мужское подобие штанов — брэ, свободную светлую тунику и сандалии на босу ногу.

Гордо неся голову, будто и не имея вид нищенки, она держала свёрнутый пергамент под мышкой. Лишённая крупных

украшений и знаков отличий, с непокрытыми волосами молодая особа шла по странной улице с белёными домами в ровных два этажа. Отличительной чертой этих строений были очень широкие как ворота двери, открытые настежь. Открытые так, будто и вовсе дверей не было в этих домах. Живописцы заполняли помещения на этой странной улице. Художники и подиумы с полотнами, на которых были изображены идущие в пустыне слоны, природа океанов и божества с высокими лбами и тёмной кожей с позолотой. Они задумчиво восседали, сложив ноги на лотосах, вызывая уважительную оторопь у набожной Жанны.

«- Создатель, обрати внимание на рабу свою Жанну Бургундскую, услышь её предсмертную просьбу, как слышал ты когда-то стон заживо горящей плоти Жака де Моле, я молю только об одном шансе для всех нас...»!

Эти слова звучат тихо и проникновенно. И они становятся совершенно нечаянно той самой предсмертной молитвой, обращённой к высшим силам. Эта молитва позволяет вернуться вспять законам миро воздаяния, её сила даёт возможность исказиться временному пространству. Ведь она просит не о возмездии, а о всего одном только шансе для тех, кто раскаялся.

Стоящая на грани жизни и смерти трепетная душа просит о справедливости для себя и для тех, кто грешил на брэнной земле во многие разы меньше, но умер в страшных мучениях.

«- Стоила ли твоя любовь Маргарита унижений, боли и безумства Блани в Шато-Гайар? Стоили ли мгновения любви мучений годы?»

«- Ответь мне!»

«- Маргарита, я так долго обращаюсь к твоей душе, умоляю, верни те дни обратно!»

Как заклятия шептала женщина имена врагов, которые воспользовались тогда ситуацией. Они вывернули всё грязное в семье наружу. Не брезгуя ничем, надругались в угоду интригам».

Умирая, она боялась этого делать, как боялась спать в последнее время, ощущая себя во сне троюродной сестрой Маргаритой, запертой в подzemелье Шато-Гайар. Там в мрачном и вечно влажном подzemелье, слушая возню крыс, она ожидала решающей ночи.

Она точно знала, что эта ночь наступит!

Ожидала крадущихся шагов и шёпота, и момента, когда огромные ладони наёмника свернут хрупкие позвонки на её исхудавшей от вечного голода шее.

Страх насильственной смерти был для неё постоянным спутником, он преследовал её днём и ночью. Именно поэтому она задавала бесконечное количество раз себе один и тот же вопрос:

- «с какого момента нужно было менять буквально всё, с какого дня было бы ещё не поздно»?!

Но в ответ она только слышала безумные, раздирающие на

осколки сознание, крики и стоны братьев д'Оне с которых у них на глазах с Маргаритой и Бланш, палачи сдирали заживо кожу.

Глава 2. Века и Колокола

Бегут года!

Уходит время в тишину,

А ветер странствий зазывает в вышину,

Где синева - натянута струна,

Там ангелы звонят в колокола.

Екатерина Комарова

(просторы интернета)

— Рыт-ъ-иа, я всё устроил как было уговорено. Уверен, заказчик будет доволен.

— Хорошо Сакда. Меня так же, как и в прошлый раз, встретят в аэропорту. Встретят и сопровождают. Но это уже в России. Быстрее бы домой, устала от дождей и жары.

Не понимая смысла моих сокрушений, привыкший с рождения к климату своей страны, таец всё же улыбаясь согласно кивнул в ответ. Он умел быть дипломатичным и тактичным, никогда не показывал своих настоящих чувств и эмоций. Его улыбка была маской, скрывавшей талант дельца и интригана.

— Ты уверена в том, что и сейчас всё пройдет гладко?

— Конечно. Без «сучка и задоринки», так говорил мой дед на пасеке.

Таец недовольно пошевелил губами, пробуя произнести

незнакомое сочетание слов. Маска слетела с его лица, обнажая на мгновение недовольство и раздражение. Мне стало неловко. Пытаясь сгладить ситуацию, задала свой обычный вопрос:

— Опять слоны?

— Ты говорила ругательные слова?

- Нет. Без «сучка и задоринки» - значит без проблем. Всё будет без проблем. Опять слоны?

Невысокий, худощавый мужчина кивнул в согласии и улыбнулся, как всегда, опрокидывая на лицо длинную, гладкую чёлку чёрных волос. Он это делал таким образом, чтобы нельзя было рассмотреть выражение его глаз. Мне, во всяком случае, так показалось именно сегодня. Потому что я вдруг почувствовала неправильность всего происходящего. Почувствовала и откинула свои ощущения мысленно в копилку всяких недовольств самой собой, которых уже было много...

Некоторые из них забывались...

А некоторые...

Передавая мне свёрнутый в тубу холст, Сакда держал сей предмет ладонями в тонких перчатках из тёмного трикотажа.

«- отпечатки, на тубе будут только мои».

Почему я так подумала?

Дрожь прошла по телу, как только я прикоснулась к «произведению искусства», сокрытому под мазнёй местного ху-

дожника.

Почему к произведению?

Я отвечаю: — столько баксов за мазню со слонами — копию с фотографии картины, не платят. Увы.

Этих слонов, балуясь, написал когда-то местный художник. И вот мода на них, поражает туристов в самое сердце. И они следуют ей, неукоснительно везя домой сей образец доморощенного искусства. Это ли не признак, что ты был в Таиланде?

А туба была иной по весу, нежели прежде.

— Я хочу посмотреть, как было до того... Прежде чем ты нарисовал своего бегущего в пыли слона поверх настоящей картины.

— Ты никогда не делала этого раньше. Зачем смотреть?

Рукой в перчатке, он откинул прядь волос и пытливо глянул, просто выстрелил взглядом.

— Что с рукой?

— Обжёгся. Наложил сетку с присыпкой из лекарства. Тебе лучше не смотреть.

Опять почувствовала ложь. Не смотря в глаза мужчине, попросила показать настоящий холст. Таким, каким он был до того, как его специально скрыли новым сюжетом. Мой голос был настойчив. Мужчина включил телефон. И вновь вижу его ладонь в перчатке.

Я часто ловлю себя мысленно на том, что наблюдаю за мужскими руками. Есть в этом нечто притягательное и зага-

дочное именно для меня. Руки выдают характер человека, его профессию, образ жизни. Они могут быть нежными и заботливыми, или же грубыми и мозолистыми.

Мужские руки умеют многое: строить, защищать. Они могут согреть в холод, поддержать в трудную минуту, успокоить. Их движения могут быть обычными, или резкими и точными, как у солдата. Они могут убивать...

— Удаляю сейчас сразу при тебе. А пока вот, смотри.

В этот момент я поняла, что холст у меня в руках — не просто работа старинного мастера, нечто большее смотрело на меня с экрана чужого телефона. А после исчезло, погрузившись в темноту.

Я чувствовала странную вибрацию в воздухе.

Она была похожа на самый решительный момент в моей жизни, наступивший не по плану совсем не в том месте и не в тот час...

Какой вы спросите момент?

Я объясню, конечно же: — будто взяв сейчас холст в тубе из плотного картона в руки, закрепляя его ремнями за спиной и заводя под мышку для удобства, я разделила свою жизнь...

Нет!

Целый мир я делила на две неравные части: — на одной стороне находилась моя будущая карьера оперирующего врача, учёба на пред последним курсе универа, мелкий бизнес, в который меня втянул мой бывший парень. Семья: —

мама и всем недовольный отчим со своей капризной дочерью от первого брака.

А на другой стороне затаилась угроза в чистом своём состоянии. Я ощущала её потому как незаконный ввоз в Россию предметов старины: -транзит из Азии, был, увы, наказуем.

Это происходило примерно один раз в полгода или месяцев восемь. За такую «работу» хорошо платили. Я была всего на всего курьер, за которым в принципе никто никогда не охотился и не наблюдал. Не наркоту же я везла в самом деле.

Кто я? Всего-то студентка, отдыхающая в самый жуткий месяц года на Пхукете по самой дешёвой — горящей путёвке.

Ведь август — это ветер, ливни, большие волны, и главное — опасные подводные течения (рипы).

Каждый год спасатели вытаскивают туристов, решившихся *«освежиться на волне»*.

Любители экстремальных развлечений пренебрегают предупреждениями и смело бросаются в опасные воды, соблазняясь возможностью испытать острые ощущения. Количество таких происшествий растёт ежегодно, несмотря на установленные таблички с предупреждениями и регулярные акции спасателей.

Есть в этом нечто странное: понимая, что нельзя, человек всё равно поступает вопреки здравому смыслу. Возможно, это связано с природным желанием риска и азарта, когда

мозг вырабатывает гормоны удовольствия в ответ на преодоление невозможного.

В психологии подобный феномен называется «эффектом исключительности»: когда человек сознательно нарушает правила, ощущая собственную исключительность и уверенность в собственных силах.

И вновь я ощутила озноб, словно ледяные пальцы прошли по оголённым позвонкам на шее!

Следом нахлынуло смещение в сознании: настоящее наложение кадров один на один, без видимых границ. Словно время сдвинулось, прошлое и настоящее смешались, искажая реальность и вызывая тревогу.

Сначала это было мимолётное ощущение, но вскоре оно приобрело форму и смысл. Перед внутренним взором возникли два параллельных изображения: одно — привычная реальность, другое — тёмная, пугающая версия прошлого мира. Отражено оно было всё равно, что в кривом зеркале. Границ между ними не существовало, и сознание путалось, пытаясь понять, что реально, а что — плод воображения.

Всё колыхалось перед взором, как воздух на заправке возле бака с бензином. И мне показалось на мгновение, что всё вокруг и я и мир, они скопированы как стоп кадр с экрана телефона.

Видения сложились, как было до этого, вживляя впервые в жизни в мои мысли непобедимое чувство опасности.

Оно всегда «сидело» где-то глубоко внутри, будто давно

похороненный первобытный страх пробудился и занял своё место в подсознании.

«- Всё будет хорошо и на этот раз, ведь я всегда делаю вид, что меня прежде всего привлекает шопинг на этом острове. Шопинг и единственный стоящий на окраине, с очень недорогими услугами, СПА салон.

Вот и сегодня мотаюсь я по Central Floresta на арендованном байке, скупая реально существующей многочисленной родне «брендовые» вещички из кожи питонов на распродажах. Вот и сводной сестрёнки заказы выполнила».

«- *Почему же так беспокойно в этот раз?*»

Встряхнула длинной косой тёмных волос. Она была приметна своей густотой и длиной. Слаба я была по этому поводу, покупая своим волосам профессиональные маски и уходы, а ещё мягкие, очень красивые алые закрепы в виде больших жёстких бантов и резинок.

— Я называл это полотно «Одинокая королева». Пока работал с ним, долго размышлял... Передашь кому надо известие: — у моей краски особый состав, от неё легко будет избавиться. Смойкой нужно пользоваться обычной. Только губкой осторожно водите.

— Почему одинокая королева? Она сына вон малолетнего поставила на высокое ограждение перед рыцарским войском. Никогда такой картины не видела. Это средневековая Англия? Кто автор?

— Зачем тебе это? Картина была буквально две недели

назад в одной частной коллекции, через сутки будет в другой. Она в розыске! Негласном! Потерпевший в своей стране пока не о чём не заявил властям. Надеется на свои силы. Забудь, что видела. Так будет лучше. Ты же не провалишь это дело? Нет?

— Нет, конечно. Сакда, когда я тебя подводила? Ты только счёт мой пополнить не забудь. Сделай звонок кому надо сейчас, при мне. Она очень ценная, эта картина, не так ли?

Он не ответил на мой вопрос, задавая свой.

— Ты где оставила байк?

— Недалеко. Всё будет хорошо. Всего лишь очередной слон на холсте. Ты счёт пополнил?

На этой не очень высокой ноте общения нас прервали. В галерею зашли русские туристы. Пухленькая женщина-блондинка в белом брючном костюме и в шляпке, шла целенаправленно к полотну, которое ей нравилось уже очень давно. Видно было, что она в этом месте не первый раз, её шаги были уверенными и быстрыми. Она точно знала, куда идёт и что хочет. Нитка дорого чёрного жемчуга на золотой застёжке украшала её загоревшую шейку.

Леди тихо шептала высокому, очень нескладному, но солидному мужчине в очках, что непременно хочет этот закат над Пхукетом. Картина была совсем небольшой, но она продавалась только в паре. Их писал подслеповатый местный художник, чьи работы пользовались популярностью не только среди туристов.

У женщины явно был вкус и тяга к прекрасному, она знала толк в искусстве и умела выбирать. Умела себя наряжать неброско, но дорого.

Настаивая на том, что ей действительно нравилось, она делала это мягко и деликатно. И её хотелось одарить подарком даже мне. Необыкновенно светлый энтузиазм и радость дамы были заразительны. Хотелось звать её именно: — дама. Возможно немного в стиле начала прошлого века. Мужчина в очках — её супруг, хотя и выглядел немного растерянным, было видно, он поддержал её желание приобрести именно предмет искусства как память о поездке.

Гуляющий по улице скучающий немец, живущий неподалёку, услышавший разговоры и тихие споры, зашёл, приглядываясь к той, которая обращала внимание только на живопись. Удивительно, но её улыбка заряжала буквально всё вокруг.

— Вам помочь?

Мой вопрос застал даму врасплох.

— Чем же вы мне можете помочь, девушка? Я не представляю, как можно вывезти это чудо. Мы сегодня поздно вечером улетаем. Текстиль и прочее на местных рынках меня не интересует. Я хочу только это, но в самолёт в раме картину не пронести, а в багаж сдавать — это безрассудство.

— Я тоже хотела своих бегущих слонов с того момента, как увидела, и теперь они у меня в тубусе. Вам также всё подготовят за несколько часов, а может, и раньше, если за

скорость заплатите.

Вынут из рамы и упакуют, а в России в любой мастерской вы подберёте к картине раму вновь. К слову сказать, я тоже сегодня поздним вечером улетаю в Россию, мы вместе пройдём контроль. Не переживайте, я уже один раз привозила маме красивого Будду, восседающего на лотосе. Всё прошло хорошо.

Следующие минут сорок мы совершали покупку. Пару к картине, которая понравилась Елене Викторовне, купил немногословный немец. Он глаз не сводил с той, которая, улыбаясь, показывала нежные ямочки на совсем ещё молодой коже лица.

По моим подсчётам женщине было примерно лет сорок, она прекрасно выглядела. И мы уже с ней стали добрыми друзьями. Её супруг, привык уже, по-видимому, к тому, что его Елена вот так заряжает всё вокруг позитивом. Он сидя на диванчике из ротанга, наслаждался потоками прохладного воздуха от многочисленных вентиляторов на низком потолке галереи.

Однако он не терял супругу из поля зрения, мне кажется, получая истинное удовольствие от того, что она нашла для себя интересный объект для покупки. Из подсобки на звуки голосов вышла сиамская, практически лысая кошка пепельного цвета. Она была очень сильно в положении.

Волоча живот, животное прошлось по ногам Елены Викторовны. Оно вильнуло хвостом опять же по её ноге, мяук-

нуло, будто приветствуя, и пошло улеглось ровно посредине зала, на пол, демонстрируя всем свою располневшую фигуру и василькового цвета глаза. Кошка всем своим видом, присоединялась к нашей беседе, ожидая очередного ливневого тропического дождя на улице.

Решив идти до отеля пешком вместе с понравившейся мне супружеской парой, я позвонила компании, у которой брала в аренду байк. Тихо сообщила им по какому адресу оставляю его, так как мне он больше не нужен. Ключи оставила в галерее на ресепшене.

Выйдя на улицу, поддерживая беседу, создавая видимость, что в таком составе мы в неё и пришли, я лихорадочно осознавала, что чувствую на себе чей-то пристальный и изучающий взгляд. Бесформенная, на два размера длиннее футболка взмокла на мне, а к позвонкам на шее вновь потянуло холодом.

Этот холод шёл будто от остриженной на лысо моей собственной головы!

Захлебнувшись от шока, я провела рукой по длинной толстой косе, собранной изначально в высокий хвост.

Привидится же такое!

Но как явно я ощущала ранки от бритвы и голую стянутую кожу!

Мрак! Что это со мной?

Реальность вновь качнулась.

— Как же сегодня жарко. И влажность большая, быстрее

бы уже домой.

Я кивнула в согласии, поддерживая обычную в таких случаях беседу. Держа свою ценность под мышкой, я слышала, как звучал совсем другой женский голос, спрашивающий об очень важных вещах. В ушах стоял звон колоколов. А голос звал меня совсем как мама в детстве:

«- *Маргарита*»!

То, что вопросы были важными у голоса в сознании, я понимала по интонации и потому как в ожидании неминуемого у меня от предчувствия сжималось всё внутри.

Елена Викторовна с мужем, шли сейчас за мной вслед из-за того, что тротуар сузился и нависающие повсюду старые провода мешали вести беседу. Нам приходилось обходить их. Женщина несла в руках прекрасно упакованный «закат» и была по-своему счастлива.

Глава 2 -2. Высшая мера наказания.

Мы жили в соседних корпусах огромного отеля и чувствуя на волосах первые капли дождя, переглянувшись и глупо улыбнувшись своим мыслям, ринулись бегом каждый в свой. Поднимаясь на лифте в номер, смотрела на себя в зеркала, отмечая только тревогу в глазах и всё же намокший трикотаж футболки.

Я не планировала больше выходить на улицу, заранее заполнив маленький холодильник в номере лёгким ужином, купленном в кафешке за углом.

Радовала себя местными фруктами и натуральными соками.

Моя ручная кладь была собрана ещё с утра.

Вечером из гостиницы я сделаю один только шаг с ней в огромный автобус, собирающий туристов по близстоящим отелям. Его рейс до аэропорта — самое безопасное время для меня в этой стране. А ещё долгий перелёт чартерным рейсом. Безопасный с того момента, как в моих руках оказался ценный груз.

И вот в номере, тубус с ценным грузом аккуратно «лёг» под кровать. Закрыв двери в свой одноместный, всеми возможными способами, я настороженно, прислушиваясь к

внутренним ощущениям, присела на запровленную, больших размеров кровать.

Я так делала всегда с тех пор, как ассистировала медсестрой на первой своей операции. Ответственность за чужую жизнь, заставляла меня чётко взвешивать свои возможности и внутреннее состояние. Заставляло прислушиваться к интуиции.

А она была, мягко сказать, неспокойна в этот раз.

«- что не так, Рита?»

«- не знаю, Сакда, свой парень, конечно, но почему он сегодня был в перчатках в галерее? Мне ли не знать, как в них неудобно. Ах, да - ожог».

«- только это?»

«- нет – меня беспокоят ощущения: - будто со спины меня за шею берут холодными огромными ладонями, ведь они на пустом месте никогда не появляются. День, когда больной скончался на операционном столе сразу после операции, всё было ровно так же».

Гладила рукой атлас покрывала, вспомнив, что, войдя, не умылась после улицы. А после ругая себя за то, что пытаюсь за мелочами спрятать главное, задумчиво откапывала все мысли за этот день, недовольные поведением их хозяйки.

И вот! Резко наклонившись и расставив ноги, приняв для себя решение, я вытянула за ремень из-под кровати тубус.

«- чистой воды подстава. Возможно, мне так кажется из-за того, что, доверяя как всегда другим, я не сама всё»

это паковала в дорогу. Нужно изменить ситуацию. Я просто посмотрю».

«- начнём по порядку: - я пересеку в самолёте границы нескольких государств, провозя незаконно предположительно ворованную из чьей-то коллекции картину. Стоит она баснословно дорого. Со мной это, видит бог, впервые. Сумма вознаграждения за мои услуги безумно высока. Но её ещё не перевели. Так не было раньше!

Кто-то по поручению Сакда уже должен был «кинуть» мне рубли на счёт. Добавив свои накопления, я смогу купить однушку вторичного жилья на окраине и съехать от отца вечно всем недовольного и маюшки.

Это, с одной стороны.

С другой: - но, если меня разоблачат, я смогу сколько угодно говорить полиции как своего, так и чужого государства о том, что не знаю, о чём речь, и совсем не имею представления, откуда при мне дорогой предмет искусства. Однако доказать мне ничего не получится, так как документы на картину, якобы со слонами оформлены из какой-то липовой галереи. И всё же таких вот слонов провозят из Королевства Таиланд каждый день масса туристов.

Как меня смогут вычислить, ведь настоящее произведение искусства закрыто слоем краски с другим сюжетом?»?

Только по наводке... Ведь я такая, как все. Просто серая масса туристов европейцев, приносящая в бюджет этой стра-

ны деньги.

Наводка информатора, просто нужный звонок — это был очень верный диагноз.

Поставив его, я стала раскручивать упаковку. По уговору это можно было бы сделать максимально просто на переходе, ведь при досмотре на таможне я не должна вызывать подозрений. И всё же узкие полоски скотча встречались буквально повсюду. В арт-галерее постарались.

Действовала, предельно осторожно, надрезая их в нужных местах.

Посматривая на часы, я вытащила из холодильника рис с баклажанами под чесночным соусом, похожим на кари. Пусть немного согреются. Сунула в рот пастилу из сока манго.

По коридору прошёл кто-то. Мне вроде как показалось, но ручка на двери точно дёрнулась пару раз. Электронный замок невозможно открыть со стороны коридора, если оба ключа находятся в номере. Так, мне сказали на ресепшене, узнав, что я заселяюсь в одноместный номер.

Закрытая дополнительно щеколда на двери глухо звякнула, по спине скатились капельки пота. Глянув на тяжёлые портьеры, закрывающие всегда яркое тайское небо, поблагодарила всевышнего, что нахожусь на одиннадцатом этаже огромного здания, напоминающего лайнер — пароход.

Номер был одиночный, недорогой, угловой и без балкона. Итак, что же мы имеем внутри тубуса?

Отвернула часть холста, замерев в изумлении. Потому как понимала, что просто картина! Холст современный, грунтовка тоже.

— Бл&ть, что это, в чём подвох?

Села, смотря на голую белёную стену напротив кровати.

— Это же развод! Местами холст даже краской не покрыт, всё плетение видно и грунтовку. Наваляли наскоро, наотвяжись. Даже мне видно, что на слона дорого масла пожалели. Брак, неликвид подсунули. Да и кто бы мне доверил кого-нибудь там Караваджо или Ван Гога? Чистой воды абсурд! Дура ты Рита, какая же ты дура!

Шарила руками, разворачивая до конца холст, убеждаясь в том, что местами даже краска до конца не окрепла! Рассматривала ещё раз упаковку, интуитивно ища ещё хоть что-то. А ведь брак и на досмотре увидели бы.

Какая странная туристка!

Такую хрень купила.

Увидели бы и стали досматривать дальше.

«- А это что?! Что!!!»

На покрывало тёмно-кофейного цвета вывалился пакетик с ампулами содержащими на первый взгляд бесцветную жидкость. Ампулки как маленькие бутончики цветка. Малюсенькие и странно округлые. Что в них?

Не веря своим глазам, я было бросилась к телефону, собираясь уже звонить тому, кто паковал всё это. Встала как вкопанная посреди комнаты, ошарашенная открытием:

— А ведь меня специально решили «слить», чтобы отвлечь внимание от важного груза. Его должны также сегодня переправить самолётом! Уверена, на досмотре в аэропорту меня точно ждёт нужный человечек — таможенник. Он должен быть в курсе всего! В Таиланде с этим очень строго — за провоз наркотиков — неминуемая смертная казнь!

Расстрел! Высшая мера наказания.

Я будто воочию видела направленные на меня дула многочисленных оружий, как в каком-то фильме. Меня сотрут, как грязь с лица земли без суда и следствия.

И оказавшись буквально на острие лезвия ножа, я вдруг подумала, что на кой мне нужно это дикое безумие!

— Домой! И больше никогда за границу! Господи, господи, помоги мне! Но как же домой добраться?

Мысли метались в голове как ошпаренные, а мозг спорил с действительностью. Я фурией перемещалась по комнате, смотря буквально на всё вокруг новыми глазами. Ходила из угла в угол, кусая губы.

Нервы! И вот мои руки ощупывают голову, а ногти вонзаются в кожу, расчёсывая её.

Взгляд скользит по стенам номера, ища выход.

Фокус буквально за секунду собрался в точку, увидев в простенке постер без рамы. Выцветшие краски натюрморта. Он всегда был плотной шторой закрыт и только из-за меня показался на свет божий, потому как я окна держала зашторенными день и ночь.

Нечто блёклое издали, хоть линзы одевай, будто прорисовываться стало в сюжет. Я уже не осознавала происходящего. Привлечённая новой идеей, сняла постер со стены. Величиной примерно в четыре альбомных листа, он не вызывал во мне интереса к содержанию.

Складным ножом со всякими дополнительными функциями, долго открепляла скобы, снимая холст с подрамника.

Я всегда этот нож беру в путешествия, в нём даже пилочка для ногтей имеется. На место холста с натюрмортом, поглядывая на часы, взялась срочно пристраивать злополучных слонов, клея обратную сторону *«подставы»* буквально

на скотч.

На улице стало темнее, как время бежит!

Соус карри из пластикового контейнера напитал атмосферу в номере съедобными ароматами, но хочется только пить. Еда вызывает отвращение. Сок мне в помощь, только сок.

— Что же вы суки решили со мной сделать? За что?! Как же домой хочется, мне пожить ещё надо лет пятьдесят. А то и все семьдесят.

Мысленно отвечала себе на вой интуиции, что, подписавшись один раз на провоз через границу контрабанды, я приговор для себя оформила собственными руками.

Решила подзаработать, оправдать поездку!

Вот оно — природное желание риска и азарта, когда мозг вырабатывает гормоны удовольствия в ответ на преодоление невозможного.

— Не для меня это больше! Не для меня. Вот только бы выбраться... Клянусь вредным характером отчима — мента. Завязала!

Смазав руки зелёным тайским бальзамом, пахучим и едким, отгоняющим любых насекомых своим запахом, я стала паковать новую картину, которую позаимствовала из гостиничных апартаментов отеля о четырёх звёздах. Хотя новой её можно было назвать с большой натяжкой. Может быть, техника такая в живописи? Не знаю.

Почему смазала руки? А вдруг псы что-то учуют?

«Слонов» занавесила портьерой, сдвинув одну из них в

сторону простенка.

Картина в моих руках без слоя пыли была всё равно блёклой. Или нет уже? Вроде проявилось многое... Жаром обдало от всего...

— Как же давно она здесь висит? Река широкая и крепость из камня с башней, колоннада, старые лодки перевёрнутые, люди будто пером с тушью обводка. Краску пожалели. Как в Средневековье — ничего особого. На гравюру похожа. Издалека иной смотрелась. Просто пятном.

Мне показалось даже, что кто-то ответил у меня в мыслях на эту фразу усмешкой. Только я не разобрала, что сказали при этом. Я уже так себе на отвечала за прошедшие два часа, что тошно было.

Упаковка легла практически так же, как до того. Казалось, я и не вскрыла запретный груз. Ампулы, вытащив из пакетика, я все утопила в рисе с баклажанами, распределив вонючий соус так, что вовек не догадаешься, что там внутри.

Получившееся блюдо залила дополнительно соевой заливкой, которую покупала для того, чтобы домой забрать. Она тоже была с чесноком. Сдобрив таким образом свой несостоявшийся ужин всякой всячиной, контейнер крепко закрыла и замотала в пакет, а после всё сложила в мусорный объёмный бак.

Не было уже времени мыться и наводить лоск на внешность, передела футболку, переплела кончик косы. Повязала маленькую косынку из натурального шёлка красного цве-

та на манер банданы. Посмотрев на часы ещё раз, выпила остатки сока с небольшим кексом из мини-упаковки, разделала манго на кусочки и сложила в стакан пластиковый, решив в автобусе доужинать десертом.

«- в самолёте покормят, от нервов желудок буквально сводит, сейчас всё равно есть не смогу».

Буквально через семь минут я стояла на ресепшене, мило справляясь на английском языке, куда можно выбросить достаточно объёмный пакет с мусором. Тайки очень вежливые особы. Улыбчивые, особенно если они при исполнении должностных обязательств. Вот такая и подбежала ко мне, не подавая виду, что очень удивлена чистоплотностью мисс из России. Обычно туристы мусор оставляют в номерах.

Забрав большой пакет со всякими упаковками и обёрточной бумагой из моих рук, совершенно не подозревая «что» она несёт, девушка вышла из фойе в служебное помещение.

Видно было, что это выход на улицу во внутренний двор, в котором стоит огромный мусорный контейнер. Его, наверное, просто поставят на машину и увезут, оставив в замену пустой.

— Мисс Бурмистрова, вы сегодня отправляетесь намного раньше в аэропорт. Руководитель туристической группы, просил сообщение сделать. Я подходила к двери вашего номера, но вы отдыхали.

Английский язык девушки за стойкой был безупречен.

Глава 3. Переезд. Таможня. Досмотр.

И вот мы уже в аэропорту.

Дорога по серпантину вечерней автострады в горной местности Пхукета, показалась мне дорогой в ад.

Я вовсе не замечала, что, петляя в который раз трасса открывала туристам прекрасные виды на живописные сопки, бухты, пляжи и, разумеется, море. Бессмысленно смотрела на местного худенького мальчишку, который, подняв руку, махал мне ею, на сложенные бананы в повозке и коров очень крупных на лужайке.

Солнце медленно садилось за горизонт, окрашивая небо в оранжево-золотистые тона. Загоревшие туристы прощались с этим раем на земле, обещая вернуться обязательно в следующем году. Ветер, дующий с моря, приносил своеобразные ароматы в салон автобуса через открытые местами окна.

Сознание будет помнить это вечно.

Два автобуса, едущие один за другим, а вокруг зажигающиеся огни живущего своей жизнью огромного островного района в Королевстве Таиланд. Я ощущала себя в буквальном смысле песчинкой, молекулой, которая по воле судьбы должна была раствориться. Исчезнуть, переместившись согласно квантовой теории хоть куда. В прошлое или будущее.

Один только шанс! Нужно обязательно воспользоваться им!

С прошлым я, конечно, загнула.

А вот по мановению мысли оказаться вдруг дома в России было бы неплохо.

Проверенная мной на «сто раз» ручная кладь стояла сейчас у моего бедра рядом, на пустующем сидении в самом хвосте автобуса. Больше у меня ничего с собой не было, багаж не придётся сдавать. Путешествие изначально планировалось налегке. Деньги на счёт от Сакда ещё не поступали, это меня беспокоило больше всего, вселяя мысль, что мне не выбраться из этой страны.

Они изначально не планировали платить! Ведь если меня повяжут с наркотой, будут проверять буквально всё, в том числе я предполагаю, что сделают запросы в Россию по поступлению определённых сумм на мои счета.

Делая вид, что слушаю музыку, подключив наушники, затекла мышцами лица. Возникло ощущение, что я уже это когда-то проходила. Чувство неминуемой беды накатывало волной. Я в буквальном смысле слова растворялась в собственном бессилии.

Шея затекла. Мне кажется, мой собственный организм душил меня, наказывая за безрассудство.

Паника вытесняла возможность рассуждать здраво! Мне не выбраться! У них, наверное, есть на меня буквально всё. И даже то, как я передаю «посылку» из Таиланда в прошлый раз в руки очередному курьеру в России.

Хотелось буквально биться головой о пластиковую стенку автобуса.

Напряжённо вцепившись в тубус с картиной, пальцами, просчитывала все варианты своего поведения в аэропорту, понимая, что фальшью, паникой или чрезмерной суетой, выдам себя на раз-два- три.

Именно прижимая к себе злополучный свёрток с картиной, в определённый момент я ощутила потоки решительности. Они брались из ниоткуда. Словно серая река, изображённая на холсте, который я прижимала к себе, выйдя из берегов, заполняла сознание. Она проходила в глубины моего существа и была похожа на озарение. Она была и голосом, и тишиной.

Спокойствие.

Думай, Рита. Думай! Дыши глубже, слушай звуки вокруг. Взяв бутылку, о которой забыла во время панической атаки я отпила несколько глотков воды.

Приоткрыла окно, впуская шум улицы.

Пара, сидящая впереди о чём-то, спорила. А рыжеволосая девушка, с большими серьгами конго в ушах, представитель тур компании щебетала о том, что прибудем мы в аэропорт очень рано, и до вылета у нас будет примерно четыре часа.

Её взгляд скользнул по мне, достав меня в самом хвосте автобуса.

Что в нём? Или, мне кажется?

— Нужно сразу пройти регистрацию и досмотр, а после

вы можете посетить магазин беспощинной торговли, реализующий табачные изделия, разнообразные спиртные напитки, парфюмерию, косметику и одежду престижных мировых производителей. К вашим услугам будут представлены многочисленные кафе.

*****

И вот наступает неминуемое: — я в одноразовых тапочках, взятых из отеля, по очереди подхожу к ленте и складываю на неё короб с буквально всем, что имуществом, которое у меня есть. Тупо смотрю на пыльную подошву своих сандалий, замерших всё в том же коробе. Вдруг понимаю, насколько они выгоревшие и поношенные. Брала я их с собой только из-за того, что они лёгкие и удобные.

Сердце бьётся в висках толчками.

Боковым зрением осознаю блондинистую голову женщины, которая отоваривалась вместе со мной в арт-галерее. Она только что вошла в зал. Одна! Без супруга. Его нет нигде! Но Елена всё так же улыбочива и достойна. Я пытаюсь поймать её взгляд, повернув спокойно голову, но женщина отворачивается, делая вид, что не знает меня.

Приходит понимание. Это она! — основной груз у неё! Что бы это ни было. Оно у неё!

И вместе с этим выводом приходит жуткое спокойствие. Жуткое и холодное. Потому как задача со многими неизвестными частично решена для меня. Мысленно я вспоминаю кошку в арт-галерее, которая как к хорошей знакомой льнёт

вдруг к «случайной покупательнице».

«- зачем они устроили эту встречу в галерее, или это стечение обстоятельств, или они попытались прервать разговор. Ведь я не спрашивала больше про оплату своих услуг».

«- об этом я подумаю в самолёте, сейчас я чиста, не мне нужно переживать».

«-это нужно делать вовсе не мне, я чиста!»!

«- я ни при чём»!

«- то, что происходило в номере отеля - никто не видел».

Медленно следую за своими вещами, без суеты выжидаю очередь и опять же боковым зрением вижу, как к таможенному полицейскому, рассматривающему рентген моих вещей на экране монитора, подходит ещё несколько человек. Один из них с собакой.

Плотные невысокие мужчины с суровыми лицами. Тайцы, коротко стриженные, в форме. Не нужно их недооценивать! Они приведут приговор в исполнение буквально через неделю. Если не раньше.

Не они, так другие.

Расстрел!

Вспоминаю, что чек на «покупку картины» у меня лежит в маленькой сумочке, которую я всегда вешаю на грудь, она вместе с другими вещами сейчас на обзоре. Появляется мужчина с видеокамерой.

Меня просят пройти под рамкой. Подводят собаку. В этот момент, я отключаю любые мысли. Ведь я не боюсь! Вернее,

боюсь! Но очень спокойно. Холодно и отстранённо. Удивлённо не спеша вначале прохожу рамку, затем личный рентген.

«- видит бог, я чиста»!

Мне кажется, что это не я сама себе говорю, а чей-то голос, вопит и умоляет о пощаде.

Бред, чистой воды творится со мной.

«- это происходит просто потому, что у них служебная надобность».

Молча открыв все свои сумки, слушая шутливые комментарии русских туристов, начинаю выкладывать вещи на отдельный столик. На английском языке мне предлагают вскрыть тубу.

— Хорошо, — отвечаю привычно.

— Вы говорите на английском языке, мисс?

— Да.

— Вы провозите что-то запрещённое? Лекарства, содержащие наркотики?

— При въезде я декларировала «кларитин» — антигистаминный препарат. Его мне выписал врач. У меня есть рецепт и документы о покупке его в российской аптеке. Я везу только его.

Мужчина смотрит мне прямо в глаза.

Тёмная бездна — его глаза!

Они, не моргая, замерли на лице. Нет чёлки как у подельника в арт-галерее, есть только высокий лоб, азиатский раз-

рез глаз, чётко очерченный рисунок смуглых губ и заинтересованность вытряхнуть из меня как можно больше информации.

— Если мы предложим, вы пройдёте добровольно личный осмотр, мисс?

— Пройду, если не будут нарушены мои права.

— Вас не удивляет этот досмотр?

— Нет, у меня отец в России — полицейский. Есть плановые нужды любого государственного учреждения — я правильно поняла?

Его лицо вновь ничего не выражает. Мужчина не отвечает.

Я разворачиваю картину, и он заинтересованно смотрит на изображение.

— Хороший выбор, мисс.

Звучит заученно.

— Спасибо.

Надо же что-то отвечать.

Подошедшая женщина в форме, ждёт, когда я упакую вывернутое бельё, новые сумочки с кошельками и предмет искусства обратно вручную кладь. Меня ведут в отдельное место. Я чувствую взгляд мне в спину, ёжусь и оборачиваюсь.

— У вас остались знакомые в зале, мисс?

— Я думала, что мы дружим. Это Елена Викторовна — женщина с белыми короткими волосами в светлом костюме, она сейчас вот вновь отвернулась от нас. Почему? Может,

я её чем-то обидела? Буквально несколько часов назад, она покупала картину в очень известной арт-галерее. Я советовала ей, как правильно сделать покупку. Только она с мужем была и другом из Германии. А сейчас она одна и делает вид, что не знает меня. Может, и не муж то был. Я уже ничему сегодня не удивляюсь.

Пожала плечом, сжав губы, прикусила одну щеку. В таком виде моё лицо становится совсем некрасиво перекошенным, но так мне лучше думалось.

Мужчина нахмурился и что-то произнёс по рации.

— Сейчас у вас произойдёт личный осмотр в изолированном помещении, там не будет посторонних. Ваши права не будут нарушены.

— Хорошо.

В этот момент я поняла, что нет у них ничего на меня. Если бы было не искали бы они так...

В кабинете были только женщины: врач, понятые приглашённые из русских туристов, полицейские. Присутствовал и переводчик, который аккуратно пояснял каждую процедуру. Процедура осмотра была отработана до мелочей, каждый человек знал своё место и действия, совершаемые в строгой последовательности.

Осматривать меня взялась в том числе и женщина-гинеколог, профессиональная и очень спокойная. В общем процедура длилась около часа. Оказалась пересчитана вся наличность, которая была со мной, проверены банковские карты в

банке онлайн за последние три месяца. Составлены и подписаны всеми присутствующими лицами протоколы. После чего я, утомлённая и морально истощённая, покинула кабинет.

Перед выходом люди в форме принесли официальные извинения за неудобства и попросили меня проследовать в зал ожидания.

Всё!

Пока, всё!

Поставив телефон в режим полёта сразу после осмотра, я не спешила его включать обратно. Понимала, что от моего спокойствия многое сейчас зависит. Подпортить мне его могут совсем ненужные звонки.

Допустим с вопросами о том, где настоящий «груз».

Его было ничтожно мало. Но он был!

Медленно тащила сумку, желая оставить долбанную картину в местном туалете. Одумавшись, заподозрив, что за мной следят сотрудники аэропорта, запаковала её обратно, обмотав скотчем. Ведь по легенде я купила её, а значит, потратила баты.

Ненавидела весь мир, потому, как встречая людей из своей группы, подмечала, как они отводили глаза, не желая общения.

Поведение соотечественников вызывало чувство обиды и разочарования. Была я всеми отвергнутой и ненужной.

Есть совсем не хотелось.

Искала взглядом особое место — своеобразный этакий

ресепшен, в котором сидел очередной таец — полицейский. Желая занять кресло возле него, инстинктивно искала защиты у тех, кого буквально два часа назад боялась до одури.

Мысленно понимала, что не должна здесь находиться. Тюрьма по мне плакала тайская по плану тех, кого мне удалось обхитрить. А значит «обидеть» меня могут сейчас только свои. Те, кому я сорвала все их планы. Найдя такое место, я поместила себя в металл и кож зам кресла-скамьи буквально напротив мужчины в форме.

В полудрёме, наслаждаясь прохладным воздухом от кондиционера, не замечая, что на улице вновь зарядил тропический дождь, уставшим сознанием стала отслеживать рейсы.

«- обо всём остальном я подумую в самолёте, только в самолёте я надеюсь для меня будет примерно шесть часов безопасного режима».

Я не собиралась ехать домой. Выйдя из аэропорта, я планировала вместе с толпой подсесть в частное такси — микроавтобус и буквально на месяц затеряться в деревенском пригороде другого городка. В нём прошло всё моё детство. Я знала его подворотни и дворики как таблицу умножения. В старом гарнизоне лётной части, в селе необозначенном на карте, меня найти было невозможно.

При выключенном телефоне, разумеется.

В плане, конечно, было слабые места... И главные из них: — мне нужно было пересечь огромный зал на первом этаже аэропорта. Зал, где сновало множество людей, ожидая реги-

страцию на свой рейс, именно в нём я всегда передавала «посылку» следующему курьеру.

Объявили мой рейс.

— Мисс, у вас всё хорошо?

— Да.

Таец, рассматривающий мою картину во время досмотра, подошёл ко мне. Мне казалось, в этот момент он просто выполняет часть своей работы. Он вновь пытался найти правду в моих глазах, но при этом его лицо было, будто вырезано из камня.

Кого оно напоминало мне?

— Вы выглядите уставшей, мисс, позвольте я провожу вас?

И я снова ответила однозначное спасибо. Копируя своего визави, я была просто маска.

И вот мы дошли до места, где у меня, в который раз проверили паспорт и посадочные талоны. А после, не прощаясь собираясь уйти, я услышала осторожный шёпот мужчины о том, что женщина, покупающая вместе со мной картину, задержана.

Зачем он мне это сказал? Что ожидал увидеть на моём лице? Оно просто закаменело. А ведь он всё понял!

Да! Понял, что я избавилась от груза и ничего об этом не скажу. Никогда не скажу! У него не было возможности арестовать меня. Ему нечего было предъявить.

Он ссутулился на мгновение и проворчал что-то. А я, от-

вернувшись, пошла по современному телескопическому трапу, соединяющему самолёт из России и аэропорт Королевства Таиланд.

Едва понимая это, я шла буквально навстречу судьбе!

Глава 4. Мышь в норе.

Тихая поступь миниатюрной стюардессы. Ночь за бортом, озарённая всполохами ярких молний. Хочется закрыть иллюминатор пластиком задвижки. Но внизу под крылом самолёта простираются огни больших городов. Они словно звёзды, рассыпанные по тёмному полотну Земли. Не такие одинокие, как я в этом мире. Особая атмосфера спящего самолёта. В салоне полностью выключен свет. Уставшие пассажиры спят или пытаются уснуть, отпугивая мыслями гул моторов.

И только вдали, как в туннеле за шторками виднеется освещение. Девушка — грациозная, словно балерина, движется по узкому проходу между рядами кресел, внимательно бросая взоры за спящими людьми. Увидев направленный на неё взгляд пассажирки, она останавливается рядом со мной, слегка наклоняясь, чтобы спросить, нужна ли помощь. Её голос тих и приятен.

И вновь застывшая молния в тёмном небе добавляют драматизма и жуткого очарования этой сцене. Она подчёркивает контраст между спокойствием в салоне и бурной стихией за бортом, сравнимой, наверно, только с тем, что делается у меня в душе.

— Почему нам не дают высоту? Мы летим над самым океаном. Мне кажется, волна сейчас коснётся и захлестнёт нас.

— Вы ошибаетесь, девушка, это всего лишь залив.

— И всё же... Почему?

— Непогода всё объяснение. Принесу вам воды, а вы лучше закройте иллюминатор. Успокойтесь, вы разбудите пассажиров. Нам не нужна паника. Взлетали мы в очень сложных погодных условиях, не могли больше ждать. Но я хочу вас заверить экипаж и бортпроводницы делает всё возможное...

— Вы уверены?

Она кивает головой и отходит.

Спала ли я? Не знаю... В небе мы точно уже примерно два с половиной часа. Отчётливо помню, что нас кормили. Тот кусочек рыбы с рисом, он остался мной не тронутый. Салат и сок, большего я не осилила.

Всё та же семейная пара, сидящая впереди, ругаясь, обсуждала покупку в дьюти-фри злополучной брендовой губной помады. Если перевести в рублях, то примерно семь тысяч потратила молодая особа, пока её мужчина рассматривал стойки с не менее брендовым коньяком.

Он в бешенстве рычал обидные слова, она, не отставая, шипела как кобра на представлении. Слушать обрывки их злобных высказываний мне было в огромный кайф. Они так отличались от того, что я видела в арт-галерее между елейной блондинкой и её якобы мужем. Рычание этой пары сейчас звучало очень естественным проявлением недовольства, оно отвлекало меня от панических атак.

Хотелось сказать:

«- Ну, продолжайте же! Говорите, говорите»!

Но пара затихла, боясь привлечь к себе внимание. Они, отвернув головы друг от друга, затихли на время.

А меня в это время захлестнула реальность! В России, мне даже из аэропорта не дадут выйти, просто прикончат за первым углом туалета. Нужно идти с толпой, привязаться вон к тому деду в сланцах и шортах и идти до самого автобуса. А если? Мысли рисовали жуткие картинки одну за другой. Страх готов был согнать меня с насиженного места буквально в неизвестность. Но куда сбежишь из закрытого пространства самолёта?! Напрягала темнота салона и спящие вокруг люди, который случись чего даже помощь первую не предложат. Они все пройдут мимо, стоит нам только покинуть самолёт.

Что мне делать? Сидеть так дальше, ничего не предпринимая! Убивать себя мысленно, ожидая расправы в аэропорту. Может быть, сто́ит написать письмо маме в ватсап, поделиться своими переживаниями? Описать ей всю историю и отослать, как только самолёт совершит приземление. Получить поддержку. А после слушать упрёки отчима. Видеть призрение во взгляде дорогой Софочки...

Мне жизненно необходимо отвлечься от негативных мыслей, например, просмотром фильма в хвосте самолёта. Там есть местечко. А после написать послание.

Туалет! В нём хоть свет горит.

Я осторожно покинула своё кресло и в темноте, трогая сумочку, висящую на шее с самым важным в ней, сжимая в руках свёрнутую картину, двинулась в сторону хвоста самолёта.

На самом деле все они не спят!

Они подглядывают за мной! Сидящие люди в своих креслах. Подглядывают и ждут, когда за мной приедут те, кто вправе задать вопрос о грузе. Вправе впясть мне неустойку и поставить её на счётчик. Я ничего не докажу им.

— Мамочка, моя!

Туалет оказался занятым, а желание спрятаться вновь настигло дикой паникой...

Да что же это такое?! Мне кажется, кто-то нагнулся и смотрит в проход. Он подойдёт и ...

Сжимаясь от страха, вожу свободной рукой — пытаюсь открыть хоть что-то в закутке возле туалета. Мне точно, кажется, что ледяные руки с засохшей кровью под кривыми грязными ногтями, лезвием снимают с меня скальпель.

Пережив секунды дикого отчаяния, я вдруг понимаю, что мои усилия вознаграждены! Вижу тусклое освещение, откуда-то сверху открывая пластик крохотной двери, которая как мне казалось всегда должна скрывать полки и предметы обихода в самолёте.

Вот ступени наверх очень узкие и крутые в стене. Спешно поднимаюсь по ним, изгибаясь, вталкиваю тело. Бесшумно закрываю за собой всё тот же пластик. Хорошо, что я худая и

косу туго заплела. Замирая, вижу, что попала в удивительное место.

Здесь, наверное, когда-то отдыхали стюардессы во время длинных рейсов. Оборачиваюсь и замыкаю вход на круглую задвижку. Просто проворачиваю её по часовой стрелке. Пахнет очень несвежим помещением, могу точно сказать, что туалет где-то рядом. Я будто бы над ним. Или нет?

Это как-то в телевизионной программе про перелёты на другую часть нашей планеты показывали такие вот уютные места для стюардесс.

В данном же случае мы имеем в наличии старенький Боинг и чартер — Хабаровск — Пхукет.

Но именно в этом месте мне кажется, что я безопасности. Мне не так страшно думается. Передвигаясь на коленях, ложусь на ровную плоскость лежанки, сворачиваюсь клубком и как мышь в норе.

В крошечной темноте я лежу, смотря в никуда.

Прислушиваюсь к шуму мотора...

Глава 5. Когда прошлое напоминает о себе.

вот в сознании звучат слова:

«- Видела, мы над Пекином пролетали?»

«- Ночной город весь в огнях, какая красота. Как хорошо, что я попросила место возле иллюминатора при регистрации билетов».

Не слышала, как говорящие сейчас женщины оказались за тонкой перегородкой из пластика. Звуки от их шагов уто-

нули в общем звуковом фоне салона самолёта. Зато я точно понимала, что голоса сонные. Они звучат совсем рядом.

Возле туалета — скопилась небольшая очередь. Она то собирается, то исчезает... Кто-то облакачивается на дверцу, отделяющую меня от всего мира. Старый пластик издаёт соответствующий звук.

Лететь ещё примерно два часа: — определяет сознание. Охватывает дикие безразличие и усталость.

«- меня здесь никто не найдёт»!

«- вернусь обратным рейсом на Пхукет»!

Смеживаю веки, надеясь, что обязательно придумаю выход. Что, возможно не выходя из аэропорта, отбуду ближайшим рейсом в город, в котором живёт человек, благодаря которому я появилась на свет. Первый муж моей матери...

Он звал меня в письме давно. Это запасной план: — переложить на папеньку, которого я помню очень смутно, все свои проблемы.

Пусть этот рейс в никуда произойдёт с пересадками, запутывая следы. Россия, она огромная. Картина, свёрнута абы как, лежит у руки. Будь она трижды неладна. Воспоминание о ней наивным видением относит меня к высокому строению из камня возле реки. Хотелось лучше рассмотреть её в неведомости дрёмы, которая вопреки всему завладела мною. Хотелось остаться в этой спокойной обстановке навеки.

И неуместное желание, оно будто осуществляться стало, вот фигура в тёмном, стоящая на мосту, на котором казалось

само время застыло огромной тенью, эта фигура вдруг спросила строго о том, о чём я старалась не думать.

— Маргарита, но что же вы опять натворили!

Удивляясь, что герой моего личного сна может говорить и главное знает, что говорить; спросила насторожено.

— Вы кто?

Невозмутимое лицо, застывшее маской. Неподвижный взгляд удивительных глаз цвета серого льда в день, когда на небе ярко светит солнце. Определяю странную стрижку ровных волос вокруг мускулистой шеи и лица без эмоций. Он так близок ко мне. Я будто стою возле него, ожидая вердикта. Однако, я точно знаю этого человека. Только мне нужно вспомнить, где я видела лицо этого незнакомо — знакомого незнакомца. Его взгляд холоден и безразличен. Тяжёлая челюсть и твёрдо очерченные скулы будто борются с совершенством и благородством высокого лба.

Широкие плечи обозначили мужественную фигуру под накидкой белого цвета. Совершенно не зная меня, он судит строго, смотрит властно, пытаюсь понять, что привело меня на эти антресоли жизни.

— Скажешь и теперь нет твоей вины?

Незнакомец, перейдя на «ты» ждёт ответа, так, как будто я обязана его давать. Голос на последней фразе звучит обманчиво мягко, создавая ощущение, что он знает больше, чем я. Этот голос пытается заманить меня в ловушку, я уверена, что это допрос. А ещё я уверена: — на допросе нужно всё

всегда отрицать. Всегда! Тогда это и не допрос уже, а дознание.

Отвечаю осторожно:

— Получается, что нет. Я действительно не виновата.

Он усмехается горько, явно делая над собой усилие. Его полуулыбка полна иронии и разочарования. А за фигурой туман осторожно ползёт по реке.

— Глупа, как и прежде, и всё же ты нужна нам, Маргарита.

— Нужна?! Но зачем? Вы же разочарованы во мне. Слов не нужно — я вижу это. Скажите, кто вы?

— Попробуй изменить хоть что-то для себя. Для нас, для всех. Нет безвыходных ситуаций, есть лишь игра, навязанная тебе самой судьбой. Запомни, что я сейчас скажу тебе! Твой мозг, категорически не хочет действовать иначе, его решения предсказуемы, их ожидают от тебя враги.

Наш разум — удивительный инструмент, но порой он предпочитает привычку и стабильность банальному риску. Изменения в алгоритме игры вызывают страх, потому что несут неопределённость. Поверь, Маргарита, за границей зоны привычного лежит огромное пространство. Ты можешь властвовать в нём, побеждая своих врагов. Что значит слово судьба? Не судьба за тебя решает, а твоя личная стратегия!

Он помолчал, раздумывая... Решая мою судьбу.

— Ты нужна нам, Маргарита. Нужна такая, как сейчас.

— И всё же нужна, несмотря ни на что? Вы столько слов сказали, убеждая меня в моей никчёмности. Я уже потеря-

лась в собственной неуверенности. Что же дальше будет?

Задумчиво склонила голову, покусывая изнутри кожу губы.

В этот момент, именно во сне я пыталась понять для себя, когда слышала в последний раз такие вот слова от близких людей. Хотелось спросить кому «нам нужна», но решила, что сама узнаю, твёрдо веря, что во сне всё разрешится очень быстро. Может, с медициной у них что не так?

Ведь это точно сон.

— Если нужна... Хорошо, я согласна.

— Я так и знал! В этих словах ты буквально вся. Стоило только позвать... И я уже жалею о том. Совершенно точно понимая, что из-за новых ошибок, твой горький плач не разжалобит вновь палача. Я чувствую, как моя решимость крепнет, и я готов доказать, что был прав, отправляя тебя с сестрой в пожизненное заключение!

— Как вы всё вывернули наизнанку. Как выгодно, наверное, только вам. И тем «кому нужна».

— Я уверен: — вы обе с сестрой не заслуживаете свободы и доверия! Любые ваши поступки и действия так или иначе приведут к гибели целой династии, которая правила страной триста пятьдесят лет. Я докажу, что правосудие и наказание существуют не зря! Докажу, что нужно уметь отвечать за свои поступки и действия.

— Что вы несёте?! Кто вы? Вы точно сумасшедший! Как, впрочем, и я, потому как отвечаю вам. Но ведь это всего

лишь сон...

— Похожий на смерть!

Он смеётся гулко и очень невесело. А я чётко вижу, как меркнет свет, и не хватает воздуха. Моё тело сломанной куклой падает на пол в тёмном подвале. Над ним замерло две жуткие тени.

И вот тяжёлую, серую плиту надгробия опускают над худенькой фигуркой той, которая так любила жизнь. Её лица не видно, оно закрыто серым покрывалом. Когда-то прекрасный облик скрыли буквально от всех, убеждая служителей святой церкви, что безобразный тлен коснулся совершенных черт той, которую сутки везли из заключения в её последний путь.

Но я знаю, что это не тлен! Покрывало скрывает следы насильственной смерти. Меня задушили голыми руками! Мне хочется сказать всему миру как был жесток палач. Хочется умолять, чтобы монахи не оставляли меня одну в этой могиле — саркофаге! И я кричу, что жива! Но мой голос никому не слышен, и только пламя свечи трепещет, внимая этой живой энергии. Так, всегда происходит на упокоенной службе, ведь души умерших зывают к вам, прося о чём-то.

Прося помнить о них вечно!

А я, потеряв надежду и мысленно перелистав годы своей жизни назад, вижу себя очень счастливой в этой часовне. Счастливой и полной надежд, ведь мне всего пятнадцать лет. Вижу себя в этой самой часовне — замка Вернон, где

венчали нас с Людовиком, давая надежду на долгую жизнь в браке. Сегодня здесь стоит гробовая тишина.

Ни шороха, ни звука — лишь глухой стук молота, закрепляющего плиту над телом навечно.

Я смотрю на свой саркофаг, осознавая, что через несколько веков останки, которые помещены в камни, будут уничтожены во время Великой французской революции. Их вынесут на свет божий, разрушив всё вокруг. После закопают в огромную яму вместе с другими, тем самым освобождая душу принцессы от вечного неприкаяния. Давая ей возможности пройти свой путь, сменяя череду постоянных перерождений.

Но память о ней останется такой, как её расскажут люди, спешащие возвеличить свои имена пьесами и романами.

Память о прекрасной принцессе Маргарите Бургундской, которая так сильно полюбила рыцаря, что изменила своему мужу-королю.

Глава 6. Всего лишь прошептала.

Надгробная плита, она действительно давила на меня тревогой и неизвестностью! Именно с этой мыслью, в этот момент, здесь и сейчас я открыла глаза!

Чётко осознавала, что жива. Иначе и быть не могло! Ведь мёртвое тело не откроет глаза, вдруг проснувшись.

Сон! Просто сон! Привиделось всё! Это просто кошмар, возникший по причине того досмотра на таможне в аэропорту.

Отметила мысленно, что властный мужчина с заторможенным взором, был похож на того тайца, который провожал меня до самого самолёта. А, возможно, на мастера — художника, пишущего полотна по памяти и на ощупь. Потому как зрение своё потерял в молодости.

Не внешне, конечно, похож, а определённо внутренним своим наполнением. Такой же немигающий взгляд и лицо без эмоций. Будто вся жизнь сосредоточена во внутренней силе человека.

Будто вершитель мира он. Странные речи велись про палача и наказания.

Очень странные!

Но эти речи как-то по-особому разбавили мои страхи.

«- в двадцать первом веке какие палачи, помилуйте?»

Итак, пора принимать решение, скоро посадка.

Аэропорт! Враги, встречающие «отступницу», я уверена, они уже подтянулись к объекту. Слышу, как открываются двери их машин, ведь уже всё решено...

А вообще, возможно ли выйти без потерь из такого вот бизнеса? Как это обычно происходит?

«- никак, свидетели долго не живут!»

«- глупости, сейчас не девяностые, заручусь поддержкой бортпроводницы!»

«- и всё же, я сейчас соберусь и выйду из этого закутка, мне вроде как вещи чужие привиделись в полумраке».

Вперила взгляд в сумрак потолка, отмечая сознанием, что стало примерно на два тона светлее в этой норе над коридором и туалетом «эконом класса».

«- почему такая тишина, мотор заглох у самолёта или мы уже на земле, что происходит?»

Обвела взглядом окружающую меня обстановку и...

Замерла, чётко осознавая, что я не в самолёте. Протянула руку, желая нащупать свёрток с зарисовкой древности.

Картина пропала! Не было при мне и заветной плоской сумочки из шкурки питона. Она всё время висела на кожаном ремешке у меня на шее. Приподнимаясь на локтях, не ощущала над головой нависший низко пластик потолка.

Запахи другие!

Мне стоило только вздохнуть громче, рассматривая на себе хлопковую блузу с чужого плеча: — с кружевом явно ручной работы. Она была велика мне на несколько размеров. В

это время плотную шторку слегка сдвинули.

Показалась светлая ладонь с необработанными ломкими ногтями и тёмной ткани рукава с подрезами сбоку. Из них торчали немного рукава белой нательной блузы. Что за фигура?

И вот прозвучал голос взрослой женщины. Он прошептал одну только фразу явно не на английском или русском языках:

— Ваше высочество изволили проснуться?

Всего лишь прошептал!

И широко распахнув глаза, я вдруг ощутила, что вместе с плотной шторкой женщина сдвигает туман с моего сознания.

Я точно знала где нахожусь!

Я точно знала: кто — Я!

О, Боже! Как ломит виски! Нет! Только не это!

Голос женщины будто кнопку нажал в сознании.

Откинувшись на высокую подушку, я замерла.

— Не совсем, мадам д'Комменж. Не совсем. Я, пожалуй, попробую ненадолго забыться ещё раз, а после...

В голову ничего не приходило. Мысли о произошедшем в Таиланде и осознание жути от происходящего здесь и сейчас, не укладывались в голове. Мне нужно было время, и я вновь смежила веки.

Ладони, делая невероятное усилие, крепко сжали одеяло из суконной ткани; оно явно отделано мехом. Так я чётко осознавала, где нахожусь. Казалось, выпусти я эту ткань из

рук и моё сознание, отбросив это тело, уйдёт на перерождение.

«- из огня, да в полымя – вот уж точно сказано».

«- здесь меня ничто не держит, меня в принципе никто нигде не держит»!

— Мессир Филипп д' Онэ, посланник графини Жанны д' Пуатье уже несколько часов как ожидает аудиенции у вашего высочества.

— Я накануне виделась с графиней, она ничего такого мне не обещала. Мне всё ещё нездоровится, я не готова к визитам. Примите послание за меня, если оно существует, разумеется. Принесите его, я хочу убедиться, что младшей дочери моей дорогой кузины Жанны стало легче, и хворь отступила.

Мой голос звучал хрипло после сна. Так старая заведённая пластинка от дедушкиной радиолы в деревне звучала. Она говорит, то, что нужно говорить. Ведь на ней запись... как на диске.

Женщина за шторой явно прислушивалась, отмечая разумом непривычно длинные фразы избалованной особы — королевы Маргариты Наваррской.

— Как прикажете, мадам.

Я слышала шорох тяжёлого наряда и шаги, которые удалялись всё дальше и дальше. Приподнявшись и отодвинув рукой штору алькова с вышитыми плотной нитью лилиями, я осознала себя в узкой тёмной комнате.

Она немилосердно была заставлена всяческой мебелью, застеленной плотными тканями, похожими на ковровые изделия. Низкий потолок давил, создавая ощущение тесноты и замкнутости. В камине лежало огромное полено, едва тлея на углях. Слабое, но приятное тепло волной доходило до середины комнаты, а после оно сталкивалось со свежим воздухом, циркулировавшим от узкого окна.

Ставни были распахнуты настежь.

Глаза настороженно бегали из стороны в сторону, сознание пыталось понять, чего я избежала и с какой опасностью столкнулась вновь.

Комната была будто специально такой, как понимали в это время роскошь. Наверное, в ней было легче хранить тепло холодными зимними ночами. На резном сундуке из тёмного дерева с высокими ножками я увидела флаконы, шкатулки, ажурный подсвечник с горящей длиной свечой, красивый кошель и овал зеркала из гладкого металла с ручкой.

Возможно, слегка великоват кошель для того, чтобы его носить молодой невысокой женщине на поясе.

Заметила для себя.

На шею такой не повесишь. Хотя в это время кошель — это своего рода украшение. А вот для мужчины высокого, стройного, с широкими плечами, он будто специально был скроен.

На кошель, такую сумочку, украшенную ювелирами драгоценными самоцветами-рубинами, величиной с ноготь

большого пальца, жемчугами и золотом, я смотрела, не мигая.

Воспоминания и осознание неминуемой гибели доби́ли окончательно. Даже не понимая, что таким выражением лица я похожа на своего свёкра — короля Филиппа Красивого, я пыталась вспомнить мелочи.

А вспоминая я отторгала их, готовая закричать, что я хочу быть нищей на антресолях жизни в эконом классе самолёта. Готова встретится и держать ответ со своими нанимателями!

Верните меня обратно!

Боль пронзила виски, оттого что голос и лик во сне мной был узнан.

«- из-за новых ошибок, теперь уже точно твой плач не разжалобит палача. Я чувствую, как моя решимость крепнет, и я готов доказать, что был прав, отправляя тебя с сестрой в пожизненное заключение».

— Мои волосы! Господи, они на месте! Пока ещё на месте.

Сейчас я чётко понимала, кого видела во сне. Чётко осознавала, что пока ещё не сумасшедшая. Не такая, какой была в застенках Шато-Гайар. Тогда я мечтала перейти грань и стать безумной, как кузина Бланш.

Мечтала не понимать, что со мной происходит.

Мечтала, как о скорой смерти, так и о свободе!

Вспомнив, как выглядела Бланш, после того, как помощник палача срезал все её локоны, как из ран на коже девушки сочилась кровь, я огладила слабо заплетённую на ночь косу.

Сомкнула глаза плотнее. И будто время меня качнуло на шатком птичьем крыле и осыпало холодными осколками льда. Движение вселенной вокруг замедлилось, а потом снова набрало обороты, поглотив и смешав жизни этой души.

Я ощутила, как груз десятилетий и событий падает на её плечи, придавливая сильнее той плиты, лишая привычной лёгкости движений.

Память, словно капризный архив, вдруг извлекла многие эпизоды из эпох: вот я — мальчишка подросток, бегущий по набережной. Мокрый ветер хлещет в лицо, и рядом с ним — ощущение свободы и воли. А вот я пожилая леди, встречаю сына с фронта Первой мировой. Врач — сталкиваюсь с ответственностью, пытаюсь найти баланс между обязанностями, возможностями и желаниями. А вот вновь рискую — промышляя в банде налётчиков начала двадцатого века в Штатах.

Для чего я всё это вижу? Кто пытается мне помочь выжить в это тёмное Средневековье.

А ведь я — ещё жива!

Жива! Значит, нужна сама себе!

Я точно помню, когда впервые услышала эту историю от подруги в спортивном лагере двадцать первого века. Я горько рыдала дома читая историческую сагу, которую создал Морис Дрюон. Старалась добраться до её конца, горько сожалея только о судьбе «бургундских сестёр». Но, мне кажется, я её не дочитала до конца, с трудом понимая смысл про-

исходящего.

Мама и отчим смеялись над тем как я близко приняла к сердцу всего лишь исторический роман. Я же ходила сама не своя, постоянно разглядывая в зеркале свои глаза. Именно тогда я решила больше не стричь волосы, доверяя их отросшие кончики только родительнице.

А позже, я не могла смотреть фильмы из серии «проклятых королей»! Не могла: — чувствуя фальшь и вымысел.

Где она правда?

Где? Я!

Зачем вновь здесь? Что будет, если выживут бургундские сёстры?

Откинувшись на подушки, вдыхая тяжёлый воздух, напитанный восточными эссенциями, я вдруг вспомнила о маленькой девочке, живущей в соседних покоех. Мне нужна поддержка!

— Хочу видеть свою дочь.

Сказав совсем негромко эту фразу, я, разумеется, понимала, что в комнате при королеве Наварры, живущей в Париже в Нельском отеле, должен ещё кто-то находиться кроме пожилой мадам — её придворной дамы.

Король Филипп Красивый отсоединил старшего сына с невесткой Маргаритой к тому времени. Он даровал им возможность жить своей малой придворной жизнью, каждый день видя из окон своего замка древние стены дворца на острове Сите, как некую цель и смысл жизни.

И действительно тихий голосок камеристки мне доложил, что принцесса Иоанна уже проснулась, и её скоро принесут для сегодняшнего материнского поцелуя.

«- я так понимаю это тот самый кошель стоит на мебели!»!

«- тот самый!»!

«- или уже поздно, и я подарила своему любовнику предмет, из-за которого сгинет целая династия?»

«- а если этот безумный поступок уже и Блани сделала?»

«- но только в кошельке ли причина?»

Вновь мне показалось, что к шее кто-то прикоснулся, напомним мне, что времени у меня на раздумья совсем мало. Стало по-настоящему страшно. В пожизненное заключение, под власть палачей и солдафонов в далёкую крепость, не хотелось.

«- необходимо вызвать тётку из её поместья и заручиться поддержкой этой громкой особы. Как никак она мать остальных бургундских сестёр».

«- доверять, конечно, никому нельзя, но и связь с любовником длится уже так долго, что скрыть её будет весьма сложно от всего мира».

«- Рита, Рита, что же мы творим с тобой!»!

Странно, но теперь я точно воспринимала себя Маргаритой и Её Высочеством, а вот точную свою копию, оставшуюся на антресолях воздушного судна, именовала Ритой. Будто

я размножилась, расщепилась на множественные отдельные ипостаси, а затем вновь слилась в две сущности. Но прежними ли мы остались — две частички одной такой рискованной души?

Однако я отчётливо осознавала раздвоившуюся реальность: студентка-медик, будущий врач, кардиолог из века двадцать первого и женщина, жительница XIV столетия, которая возвела свои чувства в этакий «Абсолют» и поставила их выше всего прочего.

Так считали исследователи неких исторических событий, приписывая им невесть что.

И всё же два совершенно разных персонажа, обитавших в различных эпохах и цивилизациях, вдруг сошлись в моей душе, словно недостающие половинки, разбросанные волей времени и пространства.

Ощущения были одновременно головокружительными и в то же время будто происходящими на грани жизни и смерти.

В этих своих воплощениях я была просто вымирающим экземпляром, переступившим каждый раз через нормы закона, желая в один момент насладиться своей исключительностью и неординарностью.

Я будто хотела перейти грань. Жуткую! Чтобы узнать, что за ней. Каково будет наказание. Будет ли оно?

*****

Прикрыла глаза, якобы мучаясь меланхолией и грустью,

вспоминала всевозможные женские недомогания.

«- будто эти дни недавно закончились, пусто и легко внутри».

А через некоторое время, разумеется, в покои королевы пусть и маленького, но государства, няни принесли дочь.

Она уже как много месяцев назад сделала свои первые шаги. Сейчас же сидя на моей кровати белокурая малышка вдоволь могла наиграться золотой цепью с кулоном своей ма-тушки и, конечно же, кошелем, на который она сразу обра-тила внимание и потянула ручонку.

— Душа моя, он конечно же твой. Не буду пользоваться его, упакую и отложу для твоего приданого. Мы будем хранить в нём все драгоценные вещички, которые тебе понравятся за годы твоего взросления. Попросим рара' подарить тебе до-рогие жемчуга. Ты будешь играть своими драгоценностями у татап в спальне по утрам столько, сколько захочешь. Но только очень осторожно. Господи, как ты похожа на своего деда — короля Филиппа, когда вот так смотришь.

Придворные дамы, набившиеся в тесное пространство спальни, умильно улыбались на это решение Маргариты, ко-торая увлечённая светской жизнью, не очень-то беспокои-лась за дочь прежде.

Они стали шептаться, действительно подмечая остановив-шийся и немигающий взгляд светлых глаз девочки, разгля-дывающей рубины на сумочке.

Так чья же всё-таки она дочь: — будущего короля Людо-

вика Х? Или конюшего брата короля — Филиппа д'Онэ, который явно напрашивался сегодня на свидание.

Он делал это, не считаясь с присутствием придворных дам, придумав некое послание от невестки — графини Жанны д'Пуатье. Будет ли он молча сносить мою холодность или попытается скомпрометировать Маргариту?

Я конечно могу ввязаться в авантюру с картинами и таможней. Веря в свою исключительность, могу открыть торговлю алкоголем, нарушая «сухой закон» в Штатах. Но чтобы правящей семье Франции подкинуть не состоящую с ними в родстве дочь и внучку, это уже слишком.

Или нет?!

Помню, что эта милая малютка, после многих лет, став взрослой дамой и королевой Наварры, она не простит мне этого скандала, всегда прося своё окружение не вспоминать её мать.

Дотронувшись до маленькой смуглой ручонки девочки, понимая, что хоть этой малостью она похожа на свою мать, произнесла вдруг, что девочка вырастит очень красивой.

Придворные дамы, улыбаясь, закивали головами, как китайский болванчики.

Малютка Иоанна подняла взор, и наши глаза встретились.

Мир замер для меня, сосредоточившись только на этих глазах. Они будто умоляли меня изменить буквально всё. Они словно знали, что после истории о любовной связи её матери, отец возненавидит дочь, считая её не своей кровью.

Её увезут из Парижа, как только Людовик женится вновь. Девочка познает монастырскую нужду и холод.

Она потянулась и пересела очень близко, ища материнской ласки, тепла и любви.

— Оставьте нас. Я хочу побыть с дочерью наедине.

Спальня через какое-то время опустела. Я же, прижав к себе маленькую девочку и коснувшись губами её волосиков, замерла, смотря буквально в пустоту.

Глава 7. Итак, сегодня 18 марта 1314 года.

К полудню, Её Высочество соизволило прервать лёгкий перекус с дочерью. Они лакомились спелым манго, доставленными из Испанской Андалусии. Вафли из белой муки им принёс посыльный прямиком из пекарни, в которую любил заходить и король Филипп Красивый.

Первая мадам королевства привела себя в порядок, ожидая, когда согреют воды ровно столько, сколько ей нужно для того, чтобы освежить тело. Она собственноручно умыла дочь, передав девочку няне.

Таковой была видимость со стороны.

Всё ещё борясь с болью в висках, ощущая её постоянно и думая только над тем, что это единственное в данный момент, что связывает меня с двадцать первым веком, я недовольно следила за тем, как для меня, готовят многослойный наряд для выхода. Выбрав глубокий серый цвет в сочетании с белыми и горчичными тонами; позволив уложить волосы в сооружение из обруча и сетки по обе стороны головы, я вышла в большую комнату.

Была ли я нерешительна?

Скажу честно: — Да!

Могла ли я хоть что-то изменить для себя? Допустим оста-

новить биение сердца или, собрав испуганный фокус зрения, рассмотреть всех сразу? Могла ли я не выходить в общество?

Не знаю! Но ведь делать же что-то нужно было. Нужно было понять, что происходит вокруг. Я знала только одно! Нельзя всё пускать на самотёк.

В гостиной стоял гул, словно улей ожил в марте месяце.

Все мои придворные дамы судачили в один голос, что наконец-то состоялся папский суд над великим магистром Жаком де Моле и другими тамплиерами. Оставшиеся служители ордена дожидались этого дня, перенося пытки и истязания в тюремном заключении целых семь лет.

Я замерла от вестей, изменившись в лице, понимая, что суд был не из Рима. Тамплиеров приговорил — задолжавший огромную сумму золотом ордену — король Франции.

От подробностей, которые я хотела отодвинуть как нечто ненужное, ещё сильнее загудела голова. Я не вертела ею, пытаюсь понять, кто, говорит. Но слова, сказанные совершенно чужими голосами, жалили меня безжалостно.

«- Как только замолк глас колокола, площадь собора Парижской Богородицы, стала местом многолюдного собрания. Над Сите воцарилась зловещая тишина и были оглашены обвинения».

Сглотнула вязкую слюну.

«- В итоге, вы не поверите, все приняли сторону тамплиеров. Торговцы вопили и грозили суду расправой. На площади завязались вооружённые стычки. Из окон соседних домов

доносились оскорбительные выкрики: - летели гнилые луковицы и помои».

«- Лучники. Повсюду лучники! Но им не сдержать волнения черни, страшно выйти на улицу».

«- Говорят их казнят сегодня. Сожгут как еретиков проклятых»!

«- Быть восстанию во время казни»!

Мурашки пробежали по коже. На потеху ликующей толпе сожгут главу Ордена. Это своего рода мера, созданная для того, чтобы утихомирить её. А через месяц королевских невесток отправят в заключение, таким вот образом утихомирив возмущённую знать.

А ещё придворные шептались, что Его Величество король Филипп Красивый призвал на совет вновь своих сыновей, хранителя печати, министров и брата Карла Валуа.

«- Королевский совет... Наследного принца — Людовика Наваррского –моего супруга, опять не будет до позднего вечера. Или если так можно сказать, то до раннего утра. Значит ли это, что в прошлом я назначила свидание в Нельской башне с любовником именно в это время? И в этот вечер подарила ему кошель с золотым инуром, который мне передала Жанна»?

Будто кто навсегда стёр мне этот отрезок памяти. Силясь хоть что-то вспомнить я всё сильнее впадала в тревогу, понимая, что действительно настанет решительный момент.

Роскошь, опасность. Они повсюду! В молодости роскошь

и есть сама опасность! В сознании всплывал образ холста без краски. Гравюра, которую художник вознамерился сделать достойным своим произведением. Башня, река — я уже не сомневалась в том, что это будет этюд в багрово-красных тонах. Тонах пыток и истязаний Средневековья. Полный драматизма, он понравится зрителю. Жуткие оттенки создадут особую атмосферу, напоминая буквально всем, что это не просто изображение, это способ выражения эмоций и чувств их создателя.

Только я вот при чём в этой истории?! Ведь я не давала согласия!

Или, я ошибаюсь? Или, схожу с ума?

«- это же надо так попасть! Малютка Иоанна как она смотрела, будто сказать хотела что-то, она мой ребёнок, только мой»!

А приёмная зала, жила своей жизнью, и вот забыты уже тамплиеры, и одна из молоденьких девушек, взяв на себя роль чтицы, воспроизводит вслух повествование очень талантливого мистера Томаса из Британии.

«Тристан и Изольда».

Её голосок пытается передать любовное отчаяние рыцаря и трепет юной королевы. Я присматриваюсь к девушке, желая вспомнить, к какому благородному роду она принадлежит. Тщетно такие мелочи не задержались в голове! Картина для меня понятна только в общих чертах. Она то пятно, что расплылось на стене номера в отеле Пхукета.

А Тристан, в это время продолжает мучиться, и его разрывают страсти.

Он любит свою королеву, но верен и почтителен к королю! Голос чтицы входит в искусство перевоплощения. Да ей в театре место! Ведь роман повествует о любви простого рыцаря к благородной королеве.

И я вдруг понимаю, почему выбрано это произведение. Ловлю некоторые взгляды. Мне кажется, дамы смотрят на меня с особым смыслом.

И мне точно не нравится этот намёк, не нравится буквально всё в этой комнате. Сдерживаю себя, понимая, что люди начнут судачить, что Её Высочество изменила сама себе и стала строга к дамам.

Пытаюсь мысленно собраться, осматриваю убранство комнаты. Панели из тёмного дерева на стенах. Гобелены с вышивками из жизни святых. Что уж говорить в Париже, к этому времени, лучшие ткачи этого века обосновались, организовав целые гильдии.

Выделяется сине-голубым цветом фона, кающаяся блудница у колодца. Красивая фигурка белокурой дамы с гребнем в руках и зеркалом. Шлейф её платья обозначает зрителю ту истину, что дама выходец из благородного сословия. Но только я, сомневаясь, что блудница кается. Рассматриваю её наряд и чётко обозначенную грудь. Я боковым зрением всё же наблюдаю за дамами, не находя среди присутствующих мадам д'Комменж.

Подозвав, на мой взгляд самую наивную особу из своего окружения в скромном наряде цвета тёмной охры, назвав её Марией, я точно угадала.

Встала прогуляться к окну и оступившись, не устояв испытывая напряжение во всём теле, вроде как нечаянно оперлась на подставленный вовремя локоток девушки.

— А что мадам д'Комменж? Она совсем недавно на службе. Со всеми этими новостями про магистра Ордена тамплиеров я не могу вспомнить её рекомендаций.

И вот стоя у окна, буквально спиной ко всем в своей приёмной зале я растерянно смотрю в окно на тёмные воды Сены. Сквозь мутные стёкла в свинцовых переплётках этот мартовский день мне кажется по-особенному унылым.

Я точно уверена, что это март!

На душе становится тоскливо, буквально до обморочного состояния. В апреле меня остригут на лысо и отправят под охраной в Шато-Гайар! Признают прелюбодейкой!

А Мария смотрит удивлённо на меня. И я пожимаю одним плечом, будто говоря намёком, что знала про мадам д'Комменж всё, но забыла.

— Ваше Высочество, мадам приступила к своим обязанностям буквально неделю назад, говорят её рекомендовал сам граф Карл Валуа — брат Его Величества.

— Вот как? А до этого мадам...?

— Проживала в Лондоне, а вернувшись в Париж, напросилась к вам. Если честно, то мне иногда кажется, вдовий

наряд этой дамы странно смотрится в вашем окружении госпожа, а ещё девушки говорят, что мадам выведывает всё и выспрашивает. Потому как стара и любит сплетни. Кто-то видел, как она подслушивала вашу беседу.

— С кем?!

Я повернула голову и встретила наивный серый взгляд совсем некрасивой девушки. Некрасивой, однако очень смелой.

— Невестки к вам приезжали в тот день. Графиня Жанна д' Пуатье и сестра её — мадам Бланш Бургундская.

Ничего не помнила! Силилась, но ноль! Вычистили очагами нужное и важное об этом дне и будто извне предлагали создать свою версию этой истории. А может быть, сделали это, ожидая, когда же я совершу очередную ошибку.

«- а ведь историки в основном писали о политике и о том, что был подарен кошель любовнику, узнав который королева из Англии сделала вывод и доказала».

«- всё в общих словах».

Главное: — в данный момент я не любила никого и желала просто на просто выжить. А ещё хотела «проснуться» наконец-то и вернуться домой в Россию. Но плыть по течению не собиралась. Кошель — причину всех несчастий спрятала на время в сундук, напоминающий несгораемый сейф. Он стоял у изголовья кровати в тёмном углу и был пыльный и жутко неподъёмный. Я не смотрела, что в нём есть под толстой холстиной. Не до того было.

Ключик от замка на этом сундуке, спрятала в удобный мешочек на своей талии. Потихоньку у меня созрел план.

Так себе план... И не план вовсе.

Но хоть какой-то. Только в кошельке ли дело? Сколько сможет молчать тот, кто пользовался благосклонностью Маргариты? Что же мне делать с этим Филиппом д'Онэ?

Умолять его о молчании?! Ведь скромной женщине в этом мире при общении с мужчиной, как я полагала разрешается разглядывать только носки своих башмаков, а тут муж на королевском собрании. А находится он там, потому как наследным принцем является.

Что должна делать его супруга — будущая королева сильной державы накануне казни того, кто во имя Господа нашего кровь неверных проливал? Это я про магистра д'Моле.

Я не верила, что Маргарита была так глупа, что не понимала, как она рискует. Не верила, что она играла совершенно тупые роли в импровизированных на скорую руку театрах, в тот момент, когда решалась её судьба.

Не верила!

— Я хочу, чтобы девушки прекратили слушать эту глупую легенду про любовь, которая ничем хорошим не кончилась.

— Такую романтическую...

Услышала в ответ.

Свела строго брови.

— Мадемуазель, это мой приказ! А ещё я хочу знать, чем закончится королевский совет. И это тоже приказ! Как толь-

ко Его Высочество будет у себя доложите мне об этом. В любое время суток! Девушки пусть займутся вышивкой. В тишине! Голова болит от их пустых шуток.

«- откуда такое желание плотских наслаждений? Ведь историки мне приписывали удивительно несдержанный любовный пыл. Но вот я уже на ногах практически полдня, кроме тревожных мыслей о предстоящей казни тамплиеров ровным счётом ничего не чувствую. У Жанны на этот момент четверо детей, у Блани их двое – сын и дочь. У неё у единственной есть сын! До любовных оргий ли им? Что же случилось на самом деле?»

Будто в ответ на мои мысли в приёмную вплыла мадам д' Комменж. В руках у неё маленький поднос из чистого серебра застыл этаким постаментом, на нём бокал тёплого вина. Почему тёплого? Станный аромат разлился по комнате, холодный алкоголь так не благоухает.

— Ваше Высочество, время принимать рекомендованный лекарем отвар.

— Благодарю, мадам.

Бокал в руки брать не хотелось. Пить его содержимое — тем более! Страшное подозрение обожгло, оно острым шипом вонзилось в сознание. Видя мою заминку, женщина произносит:

— Помните, лекарь вашего дяди д'Артуа просил это делать в одно и то же время. На кухне вино специально не слишком горячим подали, я растворила порошки в пропи-

санной очерёдности.

«- *растворила*»?

«- *о как*»!

Этот факт только подтвердил мои опасения. На кухне местные повара не готовили нужные отвары, всё было в руках только нескольких человек.

Взяв бокал, поднесла его ко рту, а после кинув взгляд на замерших дам, ожидающих первого моего глотка, прошла в сторону своей спальни. Услышав голос, той, которая единственная из нас носила вдовье покрывало, подняла руку, призывая к тишине.

— Я буквально всех просила заняться вышивкой! Сегодняшний день не предназначен для громких разговоров. Молитва и вышивка! Это приказ.

Приоткрыв плотную ткань тяжёлой портьеры, толкнув полотно двери, скользнула в свою спальню.

— Что за гадость она мне подсунула?

Шепча, и присев за столик, покрытый парчовой скатертью, вдохнула аромат. Прело сладкое нечто, плюс имбирь и корица и всё это на густом красном вине замешано — один сплошной возбудитель плотских желаний.

Наличие прело сладкого дурмана не давало покоя. Даже в таком виде, на расстоянии, он будоражил чувственность.

Вспоминая всё, что нам давали на занятиях в институте в голову, напрашивалось только одно — белладонна. И лекарство, и сильнейший яд, часто использовавшийся в Средневе-

ковье. Женщинам его назначали ещё и из-за того, что ритуал принятия снадобья был своеобразной борьбой с ведьмами и со сглазом.

А так в принципе это растение действительно лекарственное. Показания в микродозах: — язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, панкреатит. С осторожностью тем, кто страдает декомпенсацией сердечной деятельности, тахиаритмией.

Вот откуда странное поведение Маргариты: — ощущение полёта, необыкновенное возбуждение, её несломленные и возбуждённые крики во время казни братьев д' Онэ. Полное отсутствие инстинкта самосохранения. Пронзительное и странное состояние блаженства, происходившее от совершенно безумного впечатления невесомости всего тела и сосредоточения источника наслаждения только в одном месте.

Взяв бокал в руку, повернувшись спиной к двери, поднесла его было ко рту. Ожидание. И вот я запрокинула голову. Полная имитация, что пью вино. А после, опустив руку, вылила снадобье сбоку от стула с ножками, переплетёнными в форме буквы икс. Старалась сделать это, не замочив длинные юбки.

Надеялась, что несколько слоёв ковров на полу, впитают возбуждающую влагу. А аромат восточных эссенций деликатно присоединит к себе и вновь возникший, тухло сладкий.

Поставив бокал на столик, склонив голову, вышла в

небольшую комнатку для личных надобностей. Решившись самостоятельно помыть руки, подошла к стене, увешанной всё теми же гобеленами, взяла кувшин с тумбы, желая плеснуть воды в таз.

Услышала чей-то тихий разговор, понимая, что сплетничающие девушки также находятся в туалетной комнате.

— Беатрис, мне кажется, или она сегодня будто иная. И вновь на боли головные жалуется.

— Всё как всегда до полудня. Сейчас выпьет настой и вернётся в гостиную наша прежняя мадам Маргарита. Весёлая, интересная и возбуждённая. Начнутся представления, импровизации и нескончаемая игра. А после она напишет записку своей невестке-кузине графине Жанне и будет ждать ответа, посматривая на окна.

— Но о чём она говорила с этой пресной Марией д'Талейран? Кому она всегда пишет? Правдивы ли слухи о её романе...

— Луиза, я вовсе не имею представления о чём и кому, но зато я точно слышала, как мадам Маргарита осадила свою любимицу мадемуазель д'Саган. Возможно, звезда мадемуазель скоро закатится и взойдёт новая, нужно ловить момент и стать подружкой новой любимице.

— А, возможно, до полудня будет одна любимица, а после — другая. Как тебе такой расклад? Вот если бы лекарь господина д'Артуа, прописал ей пить снадобье с самого раннего утра...

— А что там говорят: — совет закончился? Когда казнь состоится, ты ведь всё знаешь у нас?

— Сейчас я уже не уверена, что они будут казнены. Видела кошель у мадам Маргариты? Эта надменная д'Комменж говорила кому-то, что кошель — подарок из Лондона. Будто сама королева Изабелла делала заказ ювелирам. А доставил их в Париж всё тот же д'Артуа, только это огромная тайна. Никому, никому!

— Можешь не напоминать!

Девушки удалялись, а я старалась запомнить голоса и имена, отерев тыльной стороной испарину на лбу. Поняла, что за один только выход к своим придворным дамам наворотила кучу ошибок. А с другой стороны, что они мне могут предъявить?

Не уверены, что будет казнь.

А я уверена — она точно состоится!

Не уверены, что перед ними королева?

Чистой воды бред.

«- я –королева..., я - королева»!

Подошла к ларю и достала кошель, закрепила шнур с ним на талию.

Влюблённая Королева

Сюжет короткой жизни -
для счастья он приют.
Любовь и риск
для меня не чувства
- они Абсолют.

Визуал. Арт.НораОльвич.

Специально затягивая время, взяла в руку зеркало. Казалось бы, мне предстояло увлекательное дело — я долго, хмуря брови, поправляла причёску, а, после взяв в руки библию, взялась читать, осеняя себя крёстным знаменем то и дело.

Горела свеча. Я специально её поставила на столик. Перед всеми, кто заглядывал в спальню сидела тихая и набожная королева. Слышала, как несколько раз приоткрывалась дверь.

Всё затихло... Но я только ниже склоняла голову, отсчитывая секунды и минуты, ожидала, думая о том, что у дяди д' Артуа очень много причин ненавидеть своих племянниц и их мать — графиню Маго.

Неужели это он всё затеял?

Что ждёт нас сегодня?

— Доложи.

— Сама доложи.

Голоса придворных дам, не ожидавших, что развлечения не начнутся сегодня. Чем бы их занять нужным? Шорох одежд.

— Мадам, Его Высочество прибыли с королевского совета. Монсеньор Людовик сказал, что у него совсем не много времени. Он попросил вашего внимания, если вы не заняты, как обычно, в это время занятиями с музыкантами. Так передал его камердинер.

— Передайте Его Высочеству, я готова нанести ему визит. Пригласите ко мне мадемуазель д' Талейран.

Встала затаив дыхание, поблагодарила проведение, что надоумило меня не пить вино с растворённым в нём дурманом.

И вот закрепив на голове лёгкое покрытие, обернув его вокруг подбородка, поправив сетку на волосах, пояс и висевший ярким аксессуаром кошель, я буквально через несколько минут решительно шла в сопровождении Марии по коридору.

У каждой бойницы дежурил стражник, напоминая мне музейных рыцарей.

Гулко стучало сердце в висках.

«- нужно было отсидеться в спальне, нужно было...»!

И вновь шаги навстречу судьбе, а за спиной затихает певучий голос чтицы. Выбрав нечто из деяний святых, она уже не читала с чувством о любви «Тристана и Изольды». Придворные девушки, склонив головы, вышивали, боясь промолвить хоть слово. Из чего я сделала вывод, что они очень управляемы и ведут себя так, как того хочет их королева.

— Ожидайте меня Мария.

И я бесстрашно шагнула будто вновь под строгий взгляд таможенника.

Луи — будущий французский монарх, был светловолосым шатеном лет тридцати пяти, с чувственными губами, крупным носом и глазами немного навывкат. Да, он был похож на своего отца, и всё же был совсем иным.

Мужчина сидел за столом, уставленным разнообразными блюдами. Всё его внимание заслуживал хорошо наполненный, разваренным мясом дичи, поднос. Он ел аккуратно и быстро, отрезая острым ножом небольшие кусочки ароматного мяса и запивая их красным вином. Ведь именно оно было в бокале, который держала крупная рука с перстнями.

Дофин выглядел уставшим, задумчивым и очень расстроенным. Казалось, он находился далеко в своих мыслях. Морщины на высоком лбу. Его манеры благородны, он двигается

Плавно и уверенно.

«- грация большого животного-хищника, интересно, почему мы в иной действительности не сошлись характерами?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.